

Иван Погонин

Хищники

Иван Погонин

Хищники

«Автор»

2020

Погонин И.

Хищники / И. Погонин — «Автор», 2020

«21-го Февраля с. г., в 11½ часов дня, проживающий в доме 15 по Литейному проспекту Действительный Статский Советник Гноинский, возвратясь домой, застал в своей квартире двух неизвестных воров, проникнувших туда посредством подобранных ключей или отмычек, причём один из похитителей набросился на г. Гноинского, схватил его за горло и, повалив на пол, стал душить, нанося при этом удары по голове каким-то тупым орудием, и затем при помощи второго соучастника выхватил из кармана бумажник с деньгами и сорвал золотые с цепочкой часы, после чего оба злоумышленника скрылись...»

Содержание

Хищники	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Иван Погонин

Хищники

Хищники

Глава 1

Четыре убийства

«21-го Февраля с. г., в 11½ часов дня, проживающий в доме 15 по Литейному проспекту Действительный Статский Советник Гноинский, возвратясь домой, застал в своей квартире двух неизвестных воров, проникнувших туда посредством подобранных ключей или отмычек, причём один из похитителей набросился на г. Гноинского, схватил его за горло и, повалив на пол, стал душить, нанося при этом удары по голове каким-то тупым орудием, и затем при помощи второго соучастника выхватил из кармана бумажник с деньгами и сорвал золотые с цепочкой часы, после чего оба злоумышленника скрылись. По объяснению г. Гноинского, вора, душившего его и нанёсшего поранения, он хорошо заметил, это был молодой человек выше среднего роста, блондин, с коротко остриженными волосами, без всякой растительности на лице, одет довольно прилично, имел интеллигентный вид и говорил баритоном».

Из рапорта начальника СПб сыскной полиции В.Г. Филиппова.

– Баритон, говорите? – коллежский асессор Кноцинг повертел в руках фарфоровую собачку и поставил обратно на этажерку.

– Такой, знаете ли, приятный баритон, – Гноинский не отнимал руки от горла. Какой тембр голоса был у самого действительного статского советника сейчас определить было невозможно – он говорил сиплым шёпотом.

– Ну что ж, примета запоминающаяся. А про второго что сказать можете?

– Про второго ничего не скажу – я его только со спины видел.

– И голоса не слышали?

– Нет.

– Получается, «баритон» с вами разговаривал? О чём?

– Нет, нет, говорил он не со мной, а со своим товарищем. Но тот не ответил.

– А что он ему сказал?

– Он говорил вроде бы и по-русски, но какими-то непонятными словами. Про каких-то борзых вспоминал, котов.

– Котов? – Кноцинг насторожился.

– Ну да... Он «котом» своего друга называл. Этот «кот» в комоду стал рыться, а баритон ему крикнул что-то про борзых. Господи, как голова-то гудит! – Гноинский отнял руки от шеи и схватился за голову.

– Вам, ваше превосходительство, обязательно врачу показаться надобно, не дай бог – сотрясение мозга. А если мы вам карточку этого хищника покажем, вы его узнать сможете?

– По карточке? – действительный статский советник на секунду задумался, потом решительно тряхнул головой, застонал, и едва слышно прошептал, – смогу-с.

«На основании описанных г. Гноинским примет, Сыскная Полиция заподозрила нескольких известных воров, вполне способных на такое преступление, в особенности же был заподозрен ссыльный поселенец города Каинска Лев Васильевич Васильев, бежавший 10-го января с г. во время конвоирования из С.-Петербургского Дома Предварительного Заключения в Окружной Суд. По предъявлении чинами Сыскной Полиции фотографической карточки Васильева, г. Гноинский опознал в ней лицо, очень схожее с бывшим у него грабителем. С целью задержания Васильева были предприняты самые энергичные розыски, производились обходы и днём и ночью по разным гостиницам, трактирам и ресторанам, и, хотя задержать его не удалось, но тем не менее, вскоре были получены сведения, что Васильева два или три раза видели на Невском проспекте между Аничковым Дворцом и Гостиным Двором. В виду этого с целью поимки Васильева чиновником для поручений Кноцингом совместно с полицейскими надзирателями Самойловым и Клейн было учреждено наблюдение в означенной местности в течение целого дня»...

Из рапорта начальника СПб сыскной полиции В.Г. Филиппова.

Васильев шёл по Невскому в компании двух дам и господина в бархатном цилиндре. Самойлов отодвинул полу полушубка, намереваясь достать револьвер.

– Сдурел? – толкнул его в бок Кноцинг.

– Да ну его, лешего! – Самойлов явно был недоволен, – он при побеге конвойному городовому череп проломил!

– Ты посмотри, сколько вокруг публики, – Кноцинг перехватил трость за середину, – а пуля, братец, знаешь ли, дура. Ладно, вытащишь, когда поближе подойдём, но стрелять не вздумай! Тебя, Клейн, это тоже касается.

Белобрысый Клейн ничего не ответил.

Кноцинг держался позади надзирателей, а те стали обходить компанию с обеих сторон. Поравнявшись с Васильевым, Самойлов схватил его за обе руки:

– Куда это ты собрался, Лёва, такой нарядный?

Налётчик повернул голову:

– Что вы себе позволяете, милостивый государь? Вы ошиблись, я вас знать не имею чести!

Его товарищ кинул быстрый взгляд на одного надзирателя, тут же вычислил другого, разворачиваясь вытащил из-под полы пальто револьвер и, ни секунды не раздумывая, три раза выстрелил.

Какая-то дама в толпе вскрикнула, извозчичья лошадь испуганно подала в сторону, а стрелявший понёсся по мосту. Кноцинг, схватив трость наперевес, бросился вслед за ним. Где-то засвистел городской.

Он догнал бандита в самом конце Аничкова моста, когда тот уже вскочил в проезжавшие мимо извозчичьи санки и мощным ударом сбросил с них возницу. Коллежский ассессор ухватился за спинку санок, и перевалился внутрь. Беглец, обернулся, и продолжая держать правой рукой вожжи, левой приставил к голове чиновника для поручений дуло револьвера и нажал на спусковой крючок.

«Васильев и Кноцинг были убиты наповал, Самойлов получил смертельные ранения, состояние надзирателя Клейна врачи признали крайне опасным.

Бывшие с Васильевым женщины были задержаны публикой и подоспевшими городовыми, и оказались известными сыскной полиции проститутками: одна – мещанкою города Подольска Московской губернии,

Евдокией Михайловой Мартыновой, а другая – крестьянкой Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии Марией Сергеевой Харитоновой. Последняя показала, что встречались с Васильевым в гостинице "Догмара" (номер 9 по Садовой улице), незамедлительно опрошенные служители коей опознали в предъявленной им фотографической карточке Васильева жившего в их гостинице киевского мещанина Бирона Вем, который поселился там за три дня до перестрелки. Сейчас же в его комнате был произведён обыск и найдены были большой узел с разными золотыми, серебряными и другими ценными вещами, несколько ключей от французских замков, железное совершенно новое долото, а также пять отмычек; кроме сего в номере оказались две книжки Московской Государственной Сберегательной Кассы на вклад денег и % бумаг на сумму 1000 руб.

Произведённым дознанием выяснилось, что вещи, найденные в номере Васильева, краденные и похищены из разных квартир. По предъявлении этих вещей потерпевшим некоторые из них признали вещи своими. Сношением посредством телеграфа с Киевским сыскным отделением было установлено, что паспорт на имя Вема, по каковому проживал в Петербурге Васильев, оказался похищенным, вместе с % бумагами и серебряными и золотыми вещами на сумму 1532 рубля, 27-го Августа минувшего года со взломом замков из квартиры Бирона Вем в городе Киев».

Из рапорта начальника СПб сыскной полиции В.Г. Филиппова.

Кунцевич отворил дверь кабинета Петровского. Мартынова, всхлипывая и размазывая по лицу тушь и помаду, сидела на поставленном посреди комнаты стуле. Хозяин кабинета возвышался над ней всей своей грузной фигурой, держал проститутку за волосы, и вкрадчивым голосом говорил:

– Ту же не дура, Дуся, должна понимать, что мы с тебя не слезем, пока всю душу не вытрясем. Ведь не марвихера какого сложили, дружок твой языка затемнил!¹

– Да не друг он мне, Леонид Константинович! – замотала головой задержанная, – Я вообще знать его не знала! Вы у Харитонки спросить, они оба – ейные кавалеры. А меня она только сегодня позвала, для кумпаний.

– Лёня, выйди, – попросил Кунцевич.

Они вышли в коридор. Несмотря на то, что на дворе было два часа ночи, в коридоре горели все лампы, туда-сюда сновали сыскные надзиратели, двери почти всех кабинетов были открыты.

– Она тебе правду говорит, это Харитонова их свела. Машка давно с Васильевым любовь крутила. Его почти месяц в городе не было, а третьего дня объявился, и с дружкой познакомил. Сегодня попросил с подружкой прийти – другу тоже женской ласки захотелось.

– А что за друг, говорит?

– Звать Гриша, прозвище Кот, приехал с юга, более ничего не знает.

– Давай я с ней побеседую, может чего ещё вспомнит.

– Я думаю, она более ничего не вспомнит, знаешь, сколько желающих было с ней поговорить?

– Неужели она не знает, где это Гриша-Кот жил?

– Божиться, что не знает. По её словам, об этом даже Васильев не знал, уж очень этот Кот скрытный.

– Вот сучка! Не, я всё-таки пойду, поговорю с ней.

¹ Языка затемнить – застрелить чиновника сыскной полиции (жарг. начала 20-го века).

Петровский открыл дверь кабинета:

– Городовой! Отведи эту тварь в камеру, я с ней попозже поболтаю.

Снег валил всю ночь и, судя по всему, прекращаться не думал. Дворники не успевали чистить проезжую часть улиц, не говоря уж про тротуары. Извозчиков нигде видно не было, пришлось плестись с Офицерской на Вознесенский – на остановку конной железной дороги. Но и конка не ходила – снегом забило стрелки. Кунцевич чертыхнулся про себя и поплёлся пешком.

Только пришёл, только облачился в халат и туфли, зазвенел телефон.

– Со службы – доложила горничная.

Мечислав Николаевич выругался вслух по-польски.

– У аппарата, – сказал он, поднеся рожок к уху.

– Убитого на Малой Невке нашли, ваше высокоблагородие² – заскрежетал голос сыскного надзирателя Гаврилова, – на Колтовской набережной.

– Кто таков, установили?

– Никак нет. Он в одном исподнем, без документов, само собой.

– А как убили?

– Удавили.

Кунцевич, размышляя, покусывал губу:

– Что за исподнее?

– Бельё хорошее, такое мастеровые не носят.

Коллежский секретарь заругался на великом и могучем.

– Мешко! Что за манеры!

В дверном проёме появилась сожительница. Румяная со сна, в голубом, плотно облегающем фигуру халатике, она была чертовски хороша.

Кунцевич отнял трубку от уха и чмокнул губами.

– Давайте-ка без меня, – сказал он Гаврилову, – я и так всю ночь на службе пробыл. Вы, голубчик, постарайтесь, а я буду через пару-тройку часиков.

Сожительница развернулась и, покачивая бёдрами, скрылась в спальне. Мечислав Николаевич поспешил за ней, на ходу развязывая кушак халата. После 15 лет службы сердце у него стало каменным. Те, у кого оно не каменело, так долго в сыске продержаться не могли.

---

² Согласно Тебели о рангах, коллежского секретаря следовало именовать «благородием», но, по существовавшему тогда служебному этикету, подчинённые титуловали начальство не по чину, а по должности, а должность у Мечислава Николаевича была штаб-офицерской.

Глава 2

Ad opus!³

«В виды на жительство получателей обоого пола могут быть вносимы, по их ходатайству, следующие, живущие при них, лица: 1) сыновья и мужского пола родственники, приёмышы и лица, состоящие под опекою, до достижения всеми ими восемнадцати лет...

Примечание. Выдача отдельных видов на жительство лицам, включённым в общий вид, может производиться, по предъявлении сего вида, в месте временного пребывания лиц, включённых в общий вид».

Высочайшее утверждённое Положение о видах на жительство. Введено в действие с 01 января 1895 года. Глава первая. Статья 10.

Кунцевич знал о питерских контрабандирах все. А если не все, то, по крайней мере, очень многое. Он наладил обширную сеть щедро оплачиваемых осведомителей из числа приказчиков галантерейных и книжных магазинов, лавок колониальных товаров. Имелись осведомители и среди портовых грузчиков и лоцманов, управляющий речной полицией был с ним запросто, а с заведующим третьей дистанцией капитаном Свешниковым они дружили семьями. Контрабандные дела занимали столько времени, что на исполнение других должностных обязанностей его почти не оставалось. В конце лета 1902 года Кунцевич, начал тонкую интригу, результатом которой явилось письмо, направленное начальником Санкт-Петербургского таможенного округа тайным советником Львовским на имя градоначальника в начале 1903 года. В этом письме тайный советник просил передать Кунцевича в полное его, Львовского распоряжение. Начальник сыскной Чулицкий, которого Кунцевич успел сильно заинтересовать в своих успехах на поприще борьбы с контрабандой, должен был эту прошение всеми силами поддержать. «Если удастся, через год отпуск возьму и месяца на три в Ниццу уеду» – мечтал Мечислав Николаевич⁴.

Но сладким грёзам сбыться было не суждено – неожиданно Чулицкого с должности сняли. В середине февраля 1903 года руководить столичным сыском был назначен состоящий при Министерстве внутренних дел чиновник для поручений при градоначальнике, надворный советник Владимир Гаврилович Филиппов.

Чины сыскной Филиппова знали не понаслышке. Прежде чем стать чиновником для поручений, он заведовал в градоначальстве судным отделением, которое проводило первоначальную проверку по всем сообщениям о злоупотреблениях чинов полиции. Много столичных полицейских с лёгкой руки Владимира Гавриловича лишились своих хлебных должностей, а некоторые отправились и в места отдалённые. Но надо было отдать Филиппову должное, властью своей он не злоупотреблял, шашкой не махал, всегда внимательно выслушивал и проверял объяснения провинившегося, и, если находил их убедительными, принимал все зависящие от него меры к оправданию сотрудника.

Кунцевичу приходилось пару раз бывать в кабинете Филиппова – не жалуются только на тех, кто ничего не делает. Оба раза надворный советник объяснениями Мечислава Николаевича остался вполне удовлетворён.

На следующей же день после назначения на должность, новый начальник стал вызывать к себе по очереди чиновников для поручений. Настал черёд и Кунцевича.

---

³ За дело! (лат.)

⁴ Подробно о заработках Кунцевича на ниве борьбы с контрабандистами рассказывается в книге И. Погонина «Бриллианты шталмейстера».

– Мечислав Николаевич, борьба с контрабандирами дело нужное, и для отечества полезное, – сказал Филиппов, разглаживая на столе письмо Львовского. – Но жалование вам платят не только за это. Как в вашем отделении дела обстоят с расследованием иных преступлений?

– Не хуже, чем у других, ваше высокородие⁵.

– Не хуже? Я посмотрел прошлогоднюю статистику. И вот, что получается. Например. Во вверенной вам Васильевской части из восьми тысяч дел, 900, а это более десяти процентов, пошло на прекращение⁶, а, допустим в Спасской – из более чем девятнадцати тысяч дел прекращено всего только около четырѐхсот.

– Участковые управления так работают, ваше высокородие, большинство прекращѐнных дел до сыскной и не доходило. А мои надзиратели в процентном отношении раскрывают столько же, сколько и в других отделениях.

– Я знаю, что вы проценты считать умеете. Надзиратели ваши молодцы, стараются. Но вас поставили руководить не только надзирателями. Вы должны следить за обстановкой во всем вверенном вам районе. Если где-то много нераскрытых простых краж – следует подналечь в этом направлении. Где-то разбой участились – наверняка шайка завелась, снимайте агентов с других, более спокойных линий, разрабатывайте эту шайку. Впрочем, не мне вас учить. Считаю, что вы, Мечислав Николаевич, увлеклись одним делом. Да это дело для вас прибыльно. Но! Во-первых, я вас к таможенникам не отпущу. Мне «мѐртвые души» в сыскном не нужны. Если хотите служить по министерству финансов – переводитесь туда и служите на здоровье, если хотите служить в сыскной – занимайтесь своими прямыми обязанностями. А таможду пусть курирует тот, кому положено, а именно надлежащий полицейский надзиратель, под вашим чутким руководством. Во-вторых, в течение недели подготовьте мне график изменений количества преступлений за прошедший год по всем категориям. И план работы по увеличению процента раскрываемости. В общем, займитесь своими прямыми обязанностями. Иначе... Мечислав Николаевич, мне бы с вами не хотелось расставаться. Надеюсь, мы друг друга поняли?

– Так точно-с! – кивнул головой Кунцевич.

– Вот и замечательно. Ну что ж, тогда не смею вас более задерживать. И не в службу, а в дружбу, мимо кабинета Власкова пойдѐте, попросите его ко мне зайти. Незамедлительно.

«Кончилась сладкая жизнь» – подумал коллежский секретарь.

На Петербургскую он решил не ездить – в такую погоду поездка заняла бы весь остаток дня, и сразу же после обеда отправился на Офицерскую. К его удивлению, Гаврилов был уже там – сыскной надзиратель появился в его кабинете, едва Мечислав Николаевич начал снимать калоши.

– Беда, ваше высокоблагородие! – говорил Гаврилов свистящим шѐпотом.

Кунцевич, настроение которого после визита домой заметно улучшилось, сразу же приуныл.

– Ну? – сказал он, освобождая от калоши второй сапог.

– Околоточного на машинку взяли⁷.

Коллежский секретарь прислонился к стене и застонал:

– Это точно?

---

⁵ Филиппов, имевший чин надворного советника, согласно Табели о рангах должен был титуловаться «вашим высокоблагородием». Но, как говорилось ранее, правила тогдашнего служебного этикета предписывали именовать прямого начальника не по чину, а по классу должности.

⁶ По действовавшему тогда уголовно-процессуальному законодательству, дела по которым не было обнаружено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не приостанавливались до обнаружения этого лица, как теперь, а прекращались. Если лицо находили, такие дела возобновлялись.

⁷ Взять на машинку – удушить (жаргон начала 20 века).

– Точно. Городовой его узнал.

– Пся крев. Это какой же околоточный?

– Не наш он, не нашего отделения⁸. Городовой, что его опознал, из четвёртого участка Московской части перевёлся. Околоточный, фамилия у него Сериков, тоже там служил.

– И какого чёрта его на другой конец города понесло?

Гаврилов только пожал плечами.

– Начальству доложил?

– Никак нет, вас дожидался.

Кунцевич посмотрел на него с благодарностью:

– Как ты думаешь, может сказать Филиппову, что я был на месте происшествия?

Надзиратель отрицательно помотал головой:

– Я бы не стал. Следователь дюже на вас зол. «Я, – говорит, – здесь мёрзнуть должен, а ваш начальник в это время чай с коньяком гоняет!» Спрашивал, не возвели ли вас в баронство.

Кунцевич выругался, смешав несколько самых отборных польских и русских ругательств:

– Ну ничего, пошлёт он мне срочное поручение, ответа дожидаться будет, пока ему самому барона не пожалуют. Ладно, пойдём сдаваться.

К удивлению коллежского секретаря, Филиппов отнёсся к его невыезду на место убийства довольно толерантно:

– Конечно, вы всю ночь работали, да и не знали, что полицейского убили, но впредь, Мечислав Николаевич, я всё-таки попрошу вас на такие серьёзные происшествия выезжать лично.

Кунцевич приложил руку к сердцу:

– Ещё раз, прошу простить.

– Прощаю, прощаю. Вы только этим делом не манкируйте, и к завтрашнему утру соберите как можно больше сведений. Ну и бумаги как можно больше испишите. Чувствую, стоять мне с утра на ковре у градоначальника, а без пухлой папки в руках там будет совсем неудобно...

В дверь кабинета постучали, и тут же её открыли, не дожидавшись ответа. В кабинет стремительно вошёл помощник Филиппова Инихов.

– Прошу простить, ваше высочордие, но дело срочное. Покойный Сериков первого сего февраля был уволен от должности и службы.

Филиппов хлопнул обеими руками по столу:

– Замечательно! Вы это наверное узнали?

– Наверное. Я приставу лично телефонировал.

– Великолепно, просто великолепно!

Радость надворного советника всем присутствующим была понятна – одно дело докладывать градоначальнику об убийстве полицейского, а другое – о лишении жизни простого обывателя. Убийство стража порядка – событие чрезвычайное, из ряда вон выходящее, и надзор за расследованием такого дела соответствующий. Ну, а убийство обывателя, дело кончено тоже печальное, но... Как это помягче сказать, привычное, что ли. Вон, в прошлом году в столице по одному обывателю каждую декаду укладывали. Если за каждого убиенного обывателя градоначальник с начальника сыскной начнёт стружку снимать, то к Рождеству от него одна кочерыжка останется. Так что завтрашний доклад у его превосходительства должен был пройти без лишних эксцессов. Вот только Кноцинг... Про расследование этого дела Клейгельс спросит, обязательно спросит!

---

⁸ В ту пору Петербург в полицейском отношении делился на четыре отделения (района) в каждый из которых входило по несколько полицейских участков. Наружной полицией в отделении руководил полицмейстер, сыскной – чиновник для поручений.

– Вот, что, – Филиппов, задумавшись, помолчал с полминуты. – Сделаем так. Коль Первое отделение осталось без руководителя, я поручаю временно исправлять его должность вам, Мечислав Николаевич. Поэтому с сегодняшнего дня убийством Кноцинга вам заниматься. Найдёте убийцу, оставлю вас на центральном районе. А на ваше прежнее место я отправлю Алексева. Гаврилов, будьте любезны, позовите его сюда, обсудим план дознания.

К дознанию Мечислав Николаевич решил приступить с утра. Во-первых, ничего полезного для дела этой ночью всё равно не сделаешь, а во-вторых – ему сильно хотелось спать. Поэтому, сразу же после совещания, он пригласил к себе полицейского надзирателя старшего оклада Игнатьева – один из лучших сыщиков покойного Кноцинга, велел к завтрашнему утру подготовить все материалы, а сам отправился домой.

Придя на следующий день на службу, он потребовал в кабинет чаю, разложил на столе изъятые в номере покойного Васильева вещи, и стал их внимательно рассматривать. Игнатьев молча сидел на стуле.

– Об обстоятельствах кражи у Вема что-нибудь новенького известно? – спросил коллежский секретарь своего нового подчинённого.

– Ничего, кроме того, что было в телеграмме. Киевляне обещали в кратчайшие сроки прислать копию дела почтой.

– В кратчайшие сроки... Знаю я этих работничков⁹, даст бог к Пасхе дела дождёмся... Хоть самому в Киев ехать! Вы бывали в Киеве, Игнатьев?

– Бывал-с, в отпуску. У меня супруга оттуда родом, вот мы всей семьёй и ездили к теще.

– Велика ли семья у вас?

– Нет-с. Я, жена, да сынишка.

– Большой сынок-то?

– Маленький. Одиннадцатый год. В этом году в училище пошёл.

– Маленький... маленький, – Мечислав Николаевич задумался, а потом взял в руки изъятую в вещах Васильева паспортную книжку и перелистнул несколько страниц, – а вот у Вема – большой. Теперь двадцать третий год пареньку. Зовут, кстати, Григорий. Григорий Биронович, будь он неладен. Дуй-ка, братец, в паспортный!

– Отдельный вид на жительство Григорий Биронов Вем получил в брянской мещанской управе 1 октября прошлого года, – докладывал Кунцевич начальнику. – Этот вид был прописан в столице 17 января, в меблированных комнатах «Московские сокольники», Малый Царско-сельский, дом 17. А выписался его обладатель в день убийства. Убыл в посёлок Владимировка.

– Это где такой? – спросил Филиппов.

– Сахалин, Корсаковский округ.

– А! Герр Вем шутить изволит. Нам, господа, надо постараться, чтобы его туда взаправду отправить. Мы ведь постараемся?

Игнатьев гаркнул «Так точно», Кунцевич просто кивнул головой. Затем сказал:

– Мы, ваше высокородие сейчас в меблирашки¹⁰, допросим прислугу, комнату обыщем. Не изволите ли постановленьице подписать?

Чиновник и надзиратель вышли на Офицерскую и синхронно поёжились. Мечислав Николаевич поднял бровь, Игнатьев глубже надвинул «пирожок» на уши.

– На конку? – спросил он у начальника с надеждой на отрицательный ответ в голосе.

---

⁹ Мечислав Николаевич намекает на свой опыт работы с киевскими сыщиками о котором рассказывалось в повести И. Погонина «Белое золото».

¹⁰ Здесь – меблированные комнаты.

– Извозчика ищите! – буркнул Кунцевич.

В мебелированных они были через двадцать минут. Управляющий – кряжистый ярославец – долго читал постановление, беззвучно шевеля губами, наконец вернул его коллежскому секретарю:

– Милости просим, обыскивайте.

Управились быстро – в двухсаженной¹¹ комнатёнке кроме кровати, столика, стула и платяного шкафа ничего не было. Игнатьев перевернул тюфяк, раскрыл дверцы шкафа, попробовал сдвинуть его с места, но не смог.

– Давно жилец съехал? – спросил Кунцевич хозяина.

– Третьего дня. Вечером примчался, в десять минут собрался и был таков. Рассчитался, правда, сполна.

– Из вещей ничего не забыл?

– Да вроде ничего, во всяком случае прислуга мне ни об чём не докладывала. Впрочем, – ярославец вздохнул, – они могут и не доложить.

– Пригласите-ка мне коридорного и горничную, которая в номере прибиралась.

Прислуга божилась, что жилец ничего, кроме сора и пустых бутылок в комнате не оставил. Проверить правдивость их слов не представлялось возможным. Стали расспрашивать о самом госте. Туповатая чухонка-горничная ничего ценного сообщить не смогла – жилец, как жилец, не приставал, приказаниями не изводил, на чай давал исправно. Коридорный оказался более наблюдательным. Он подробно описал внешность постояльца и его костюм.

– А ещё они по латынскому разговаривать умеют.

– По какому? – удивился Кунцевич.

– Ну, на латыни.

– На латыни? А ты откуда латынь знаешь?

– В своё время в гимназии обучался. Когда покойный папаша в силе был. Потом они разорились, запили, померли...

– Понятно. Получается, ты своим образование решил блеснуть, ввернул ему фразочку на латыне, а он тебе ответил?

– Да нет-с, я латынский почти уже и не помню. Они по телефону так разговаривали.

– По телефону?

– Да-с. У нас, ваше благородие, телефонный аппарат имеется, и я раз слышал, как этот Вем Биронович кому-то телефонировал и на латынском разговаривал.

– А о чём разговор шёл?

– Не знаю. Я же говорю – языка почти не помню.

– Так может быть он и не по-латински говорил?

Коридорный задумался, а потом неуверенно ответил:

– Да вроде на латынском.

– Он на этом языке разговаривал, или просто несколько слов сказал?

– Именно разговаривал. Начал по-русски, здоров, мол, друг, а потом на латынский перешёл, и пока не разъединился на нём и шпарил.

– А по-русски он как говорил, чисто?

– Да как мы с вами. Правда говорок у него какой-то не здешний... Хохлацкий, что ли...

– Вот оно как, – Кунцевич задумался, – интересно, весьма интересно.

Криминальная обстановка в центре отличалась от обстановки на окраинах. Во-первых, преступлений в центре города было меньше. Здесь и улицы лучше освещались, и сеть постов городских была гуще, да и публика жила поинтеллигентнее. Во-вторых, характер преступле-

---

¹¹ Две квадратные сажени, около 9 кв.м.

ний был другим. В центре было меньше уличных разбоев и грабежей, меньше убийств по пьяной лавочке, но больше крупных краж и мошенничеств, убийств с заранее обдуманном намерением. А уж такие преступления, как банковские аферы, кражи из жилищ титулованных особ и членов императорской фамилии априори не могли произойти на Выборгской стороне или в районе Нарвской заставы. Несмотря на меньшее, по сравнению с другими районами города, количество преступлений, работать в центре было сложнее. Высокопоставленные потерпевшие рвали и метали, требовали найти похищенное и преступников немедленно и любой ценой, грозили всевозможными карами, и часто эти угрозы воплощали в жизнь. Приходилось быть не только сыщиком, но и дипломатом. Все это Кунцевич понимал прекрасно. Но служба в центре всё-таки имела больше плюсов, чем минусов. Курировавший центральный район сыска чиновник очень скоро обрастал нужными знакомствами и связями, а при удачном исходе дознаний получал от своих титулованных потерпевших благодарности. Благодарности эти, правда, были в основном не материальными, хотя иногда кое-что перепало и деньгами. Однако, замолвленное в нужном месте и в нужное время словечко иной раз перевешивало пачку ассигнаций. Да и работавшие в центре коммерсанты старались не забывать курировавшего их чиновника сыска полиции, а возможности хорошо поздравить с Новым годом и Пасхой у этих коммерсантов были гораздо большие, чем у василеостровских.

Одним словом, предложение начальника было очень заманчивым. Да и безнаказанным убийство Кноцинга оставлять было ни в коем случае нельзя – эдак мазурики всех сысканых переубивают.

Когда они вышли из меблированных комнат, ветер на улице почти стих, а из-за свинцовых туч показалось солнце.

– Вы в сыскную, ваше высокоблагородие? – спросил Игнатъев.

– В сыскную. А у вас другие планы?

– Алексеев узнал, что мы сюда собираемся и попросил в здешний участок сходить, спросить про убиенного околоточного.

– А сам он что же не поехал?

Игнатъев замялся.

– Пьян? – усмехнулся Мечислав Николаевич.

– Выпивши... А со здешним приставом у него нелады, тот вмиг донесёт.

– Понятно. Ну ступайте, помогите товарищу. И вот, что. Когда закончите, дуйте в контору и напишите подробнейший отчёт. А я на службу ехать отдумал, на Ваську прокачусь, мне там кое с кем повстречаться надо.

Глава 3 Гайдук

«Со времён основателя современной романской филологии Дица, принимают семь отдельных романских языков: итальянский и румынский (дако-румынский, валашский) на востоке, испанский и португальский – на юго-западе, французский и провансальский, с каталанским – на западе и северо-западе».

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

– Ход моих рассуждений был таков. Латинский, как известно, язык мёртвый, на нём никто не говорит. Раз так, то и наш Григорий Вем разговаривал не на латыне. Получается, что он говорил на каком-то другом языке, похожем. Вопрос, на каком?

Прежде чем ответить, фон Лазен разлил коньяк по бокалам и сделал из своего несколько глотков:

– На каком-то из романской группы. Слушай, Мешко, где ты берёшь такой коньяк?

– Из Эриванской губернии привозят, по знакомству. Что за романская группа?

– Не коньяк, а нектар. Попроси своего поставщика, чтобы он и мне привозил, а? А то ты коньяк приносишь только тогда, когда тебе чего-нибудь нужно. Хотя бы раз зашёл, сказал бы, «Гуго, дружнице, здравствуй, вот тебе полдюжины коньяку, пей на здоровье»... Нет. То карты, то кролики¹², то древние языки.

– Гхм. Не могу. Там на всех не хватит. Помещик один у себя в имении, только для своих нужд делает, одну – две бочки в год, мне самая малость перепадает. Но я же всегда делюсь! Ведь недавно пили – на Рождество! Что за романские языки?

– Когда оно было, Рождество?! Два месяца с лишним прошло с Рождества-то. Весна через три дня.

Фон Лазен потянулся за коньяком, но Кунцевич его опередил – схватил бутылку и спрятал за спину:

– Пока про языки не расскажешь, коньяку не получишь. Ну?

– Вот вы как, милостивый государь! Ну что ж, вынужден повиноваться грубой силе. Извольте. Романские языки произошли от латинского. После того, как римляне завоевали Европу туда вслед за легионами пришёл латинский плебс – торговцы, ремесленники, крестьяне. Они принесли с собой свой язык, так называемую деревенскую латынь, *lingua latina rustica*. Через некоторое время на этой латыни заговорило и туземное население – галлы, кельты, даки, ну и всякие другие. Естественно, население каждой завоёванной провинции вносило в эту вульгарную латынь различные местные особенности, звуковые, формальные и лексические. На протяжении столетий язык менялся, причём в каждой местности менялся по-своему, в результате чего мы сейчас имеем несколько языков, прародительницей которых является латынь. Такие языки и называют романскими. Понятно?

– Понятно. Что это за языки?

– Французский, испанский, португальский, валашский, какие-то ещё, я уж не помню. Я же химик в конце концов, не филолог!

– Француз, испанец, португалец, валах. Кто такой валах?

– Валах это румын.

– Румын... – Кунцевич поставил бутылку на стол, обнял её за горлышко обеими руками и опустил на руки подбородок. – Интересно...

¹² См. произведения И. Погонина «Бриллианты шталмейстера» и «Белое золото».

«Коль коридорный в гимназии обучался, то французский с латинским не перепутал бы. Да и итальянский на слух определить образованному человеку несложно. Испанец? Португалец? Может быть, конечно, но скорее всего – румын».

– Гуго, а в Кишинёве есть сыскное отделение? – спросил коллежский секретарь у приятеля.

– Откуда мне знать? – удивился тот.

– Да, да, конечно... Чего же мы сидим? Давай выпьем!

Сыскного отделения в столице Бессарабской губернии не было, но местная полиция отреагировала на запрос столичных коллег удивительно быстро. Через три дня после того, как в Кишинёв была направлена срочная телеграмма, в Петербург из столицы южной губернии прибыл помощник пристава 3-го участка тамошнего полицейского управления губернский секретарь Зильберт, который сообщил, что указанные в запросе приметы убийцы Кноцинга целиком и полностью подходят мещанину города Балты Подольской губернии Григорию Котову, по кличке «Гайдук», которого усиленного разыскивают бессарабские правоохранители.

– «Рост два аршина девять вершков, плотного телосложения, несколько сутуловат, походка «боязливая», во время ходьбы покачивается». Господин Зильберт, что это значит, «боязливая» походка? – спросил Филиппов.

Войдя в кабинет начальника сыскной, провинциал вытянулся перед надворным советником во фрунт, будучи приглашённым присесть, примостился на самый краешек стула, а услышав вопрос, вновь вскочил и опустил руки по швам:

– Эдакая, стало быть, крадущаяся, – ответил он неуверенно.

– Хм. – Начальник сыскной продолжил чтение. – «Голова круглая, с залысинами, редкие русые волосы, глаза карие, усы маленькие, бороду бреет. Левша, но одинаково хорошо владеет оружием обеими руками. Прекрасно говорит по-русски, по-румынски, по-еврейски, а равно может объясниться на немецком и чуть ли не на французском языках. Производит впечатление вполне интеллигентного человека, умного и энергичного. В обращении старается быть со всеми изыщен, чем легко привлекает на свою сторону симпатии всех, имеющих с ним дело» Да... Интересный тип. Тут столько про него написано, – надворный советник потряс стопкой листов, – вы для экономии времени, расскажите вкратце, чем знаменит сей юноша.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие! – рявкнул Зильберт.

Филиппов поморщился.

– Зачем же так кричать, голубчик. Вы поспокойнее, поспокойнее. Вас как звать?

– Август Христианович, ваше высокоблагородие.

– Вы присядьте, Август Христианович, присядьте. Сигарку?

– Никак нет-с.

– Берите, берите, не огорчайте меня отказом, – Филиппов открыл стоявший на рабочем столе ящик красного дерева.

Губернский секретарь нерешительно взял сигару:

– Премного благодарен.

– Ну, рассказываете.

– Слушаюсь. Четыре года назад Котов закончил сельскохозяйственное училище, и поступил управляющим в имение одного из наших помещиков, некоего Якунина. Но прослужил недолго – через месяц поехал в город продавать хозяйских свиней, продал, а вырученные 77 рублей прокутил. Помещик заявил в полицию. Котов в это время нашёл место у другого помещика – Семиградова. Поскольку без рекомендаций на службу поступить невозможно, Котов ничего лучше не придумал, как состряпать поддельное рекомендательное письмо от имени своего прежнего хозяина. К несчастью для Гайдука, Семиградов прекрасно был знаком с Якуниным и справился у приятеля, действительно ли так хорош его бывший управляющий. Тот

надлежащим образом отрекомендовал. Котова арестовали и приговорили к четырём месяцам тюрьмы. Он отбыл наказание, долго маялся без места, перебиваясь случайными заработками, дошёл, как говорится, до ручки. Когда положение у Гайдука стало совсем невыносимым, он встретился со своими бывшими сокамерниками, они сколотили шайку и начали грабить купцов и помещиков, а через несколько месяцев переместились в губернский город. За плечами у шайки шесть налётов на усадьбы, четыре разбоя на большой дороге, два ломбарда, разбойное нападение на публику в ресторане, пять вооружённых грабежей в домах обывателей, в том числе нападение на квартиру губернского предводителя, у которого они отобрал подарки эмира Бухарского – персидский ковёр и трость с золотыми инкрустациями.

– Отчаянный молодой человек. А почему его прозывают Гайдук?

– Гайдуками в наших краях в старину называли эдаких робин гудов, борцов за народное счастье. А Котов весьма популярен у обывателей – нападая на помещиков, он отдавал часть похищенного, обычно то, что тяжело было унести, народу, а один раз освободил 20 крестьян, арестованных за порубку помещичьего леса.

– И правда, в Робин Гуда играет. Умный, каналья, небось из-за этого робингудства и поддержку у населения имеет?

– Ещё какую! Причём не только у народа, его и интеллигентная публика обожает, особенно дамы-с. Из-за этого мы так долго и не могли его поймать – охотников укрыть Гайдука – хоть отбавляй, а доносить на него никто и не думает. В общем, два года мы за ним гонялись, и наконец, прошлым летом вашему покорному слуге удалось его арестовать.

– Так почему же он в Петербурге, а не на каторге?

– Бежал-с. И месяца в тюрьме не провёл, скрылся.

– Понятно. Есть у вас какие-либо соображения, где его искать?

Губернский секретарь посмотрел на Филиппова несколько ошарашенным взглядом:

– Никаких, абсолютно никаких. Признаться честно, я на столичную полицию рассчитывал. Гайдук из нашей губернии и не выезжал никогда, поэтому о его здешних связях мне ничего не известно. Я могу рассказать о его поделщиках и пособниках в Бессарабии, но более ничего... Ну и на любое моё содействие в розысках вы можете конечно рассчитывать.

– Замечательно. Вы надолго к нам?

– Полицмейстер велел мне без Котова, живого или мёртвого, домой не возвращаться.

– Отлично. Ну что ж, Мечислав Николаевич, – приказал Филиппов Кунцевичу, – заберите Августа Христиановича, знакомьте с дознанием, и Бог вам в помощь.

Кунцевич вышел из сыскной далеко за полночь – долго расспрашивал бессарабского гостя о Гайдуке, потом читал привезённые из Кишинёва материалы. Когда приехал домой, горничная протянула ему визитную карточку. На ней значилось: «Николай Михайлович Хаджи-Македони, титулярный советник, пристав 3-го стана Хотинского уезда Бессарабской губернии».

– Вот те раз! Ещё одного румына нелёгкая принесла. Давно был?

– Первый раз в два часа приходили, потом в шесть вечера, а последний раз – в восемь.

– Однако, не терпится ему меня увидеть.

Кунцевич перевернул визитку и прочёл просьбу титулярного советника телефонировать ему в меблированные комнаты «Пале-Рояль» «в любое удобное господину коллежскому секретарю время». Мечислав Николаевич телефонировал. Он знал, что в «Пале-Рояле» около двухсот номеров, ждать, пока пристава найдут и пригласят к телефону не намеревался, хотел сказать портье, что бы тот попросил гостя перезвонить поутру, но гостиничный служитель, услышав фамилию постояльца промолвил: «Секундучку-с» и коллежский секретарь тут же услышал в трубке другой голос:

– Господин Кунцевич? Здесь Хаджи-Македони. Прошу прощения, что приходится общаться такой поздно, но дело не терпит отлагательств. Мы сможем увидеться?

– Прямо сейчас? – недовольно спросил Мечислав Николаевич.

– Если это возможно.

– Может быть утром?

– Я знаю, как отыскать Котова.

– Это меняет дело. Где вы хотите встретиться?

– Где вам будет удобнее.

Чиновник для поручений помедлил, а потом сказал в трубку:

– Ну хорошо, приезжайте ко мне.

– Большое спасибо, – обрадовался бессарабец, – буду через двадцать минут!

Коллежский секретарь положил трубку на рычаг аппарата, поднял глаза и увидел стоявшую в дверях спальни сожительницу:

– У нас будут гости? Так вот, я к ним не выйду.

– Да, да, конечно, Лизонька, не выходи, это по службе, мы в кабинете поговорим. Настасья, – обратился Кунцевич к горничной, – прикажи Матрёне поставить самовар.

Увидев станового, Мечислав Николаевич обрадовался в душе, что Лиза спит. Саженого роста, атлетически сложенный тридцатилетний брюнет, красивое лицо которого украшали лихо закрученные роскошные усы, относился к тому типу представителей сильного пола, при встрече с которым у любой, даже самой добродетельной женщины захватывает сердце и в голове начинают бродить шальные мысли. Коллежский секретарь в сожительнице конечно был уверен, но... Одним словом, бережёного Бог бережёт.

Становой был одет в партикулярное – безупречно скроенный из дорогой ткани костюм лишний раз подчёркивал все достоинства его фигуры. Мечислав Николаевич, несколько раз извинившись, посетовав на всю щепетильность дела, потребовал у молдавского полицейского удостоверить самоличность¹³.

– Извольте – пристав протянул сыщику лист бумаги.

Это было командировочное удостоверение, подписанное бессарабским губернатором Раабеном. Изучив документ, чиновник сделал приглашающий жест по направлению к сервированному чайным прибором столику в гостиной:

– Прошу вас.

Пристав сел, и Мечислав Николаевич тут же налил ему чаю.

– Итак, слушаю вас внимательно. Начать попрошу с того, почему вы не обратились напрямую к моему начальству, а захотели встретиться со мной приватно. И вообще, как вам стало известно, что именно я занимаюсь делом Котова?

– Видите ли, я бы не хотел афишировать факт своего нахождения в столице. По каким причинам, вам станет понятно из моего дальнейшего рассказа. А что касается вашего участия в деле, то об этом я узнал из газет. Там пишут, что дознание поручено вам.

– Вот оно как, а я признаться и не читал. В какой газете, не вспомните? Хочется потешить самолюбие. Никогда ранее про меня в газетах не печатали.

– Да почитай во всех столичных газетах ваша фамилия.

– Боже мой! Я становлюсь известной персоной. Настя! – позвал чиновник горничную, – принеси-ка сегодняшний «Листок».

---

¹³ В ту пору у большинства российских полицейских специальных удостоверений не было. Признаком принадлежности к полиции служило форменное обмундирование. Исключение составляли сотрудники сыскальной полиции, которые по долгу службы ходили в штатском платье. Позднее удостоверения появились и у чинов наружной полиции.

Заметка о ходе расследования убийства Кноцинга помещалась на первой полосе газеты, что свидетельствовало о том, что интерес публики к этому происшествию до сих пор не угас.

– Гляди-ка, и вправду: «дело поручено весьма способному чиновнику М.Н. Кунцевичу». Польщён, весьма польщён. Ну что же, придётся отрабатывать аванс, данный мне газетчиками. Очень надеюсь на вашу помощь. Итак, что имеете сообщить?

– Прежде, чем начать разговор, я хотел бы ещё раз попросить вас, Мечислав Николаевич, чтобы вы никому не рассказывали о моём визите, в первую очередь не ставили бы в известность о нём моего земляка – Зильберта.

– Отчего же всё-таки такая секретность?

Пристав поднял на собеседника глаза:

– Я прошу вас об этом исключительно ради пользы дела. Дело в том, что я тоже охочусь за Котовым.

– Я понял – вы желаете обойти конкурента?

– Вовсе нет, – грек поморщился, – спорт тут не при чём.

– Тогда не проще ли вам соединить усилия с вашим земляком?

– Это невозможно, Мечислав Николаевич. Зильберт преследует цели, прямо противоположные моим – он как раз-то и не хочет, чтобы Котов сел.

– Как же так? Он говорил, что летом лично его арестовывал. Лжёт? Но это же очень легко проверить!

– Арестовывал Котова действительно Зильберт.

– Тогда я отказываюсь вас понимать.

– Позвольте по порядку. Кто таков Котов, вам уже известно. Два года он безнаказанно грабил губернию и два года его никто не мог поймать. На него несколько раз устраивали засады и все они провалились – Котов и его клеветы попросту не приходили на те квартиры, где их ждала полиция, хотя сведения о том, что шайка там появится, были получены из самых надёжных источников. Более того, несколько агентов, поставляющих эти сведения бесследно исчезли. Так продолжалось до налёта на квартиру губернского предводителя. Ограбленный поднял такой шум, что губернатор объявил за голову Гайдука награду в тысячу рублей, а предводитель добавил к этой награде свою тысячу. Соответствующее распоряжение было объявлено 23 мая, а 27-го Гайдук уже был арестован.

– Две тысячи – неплохой стимул.

– Согласен. Только деньги эти получил помощник пристава Зильберт, который до объявления награды безуспешно ловил Котова два года. Совпадение?

– Ну, очевидно, что кто-то, польстившись на деньги, сдал Гайдука Зильберту.

– Тоже самое я сказал господину начальнику губернии. Но он ответил мне, что я плохо знаю немца. Со слов его превосходительства, Зильберт – самый отъявленный лихоимец в Кишинёве.

– Вот оно как! А вы, стало быть, не берёте? – улыбнулся Кунцевич.

Хаджи-Македони улыбнулся в ответ:

– Ну почему же не беру. Беру, как и все. Имений родовых или благоприобретённых не имею, за женой только тысячу рублей получил¹⁴, детишек трое, – как тут не брать. Но я ограничиваюсь сделками с самолюбием, сделок с совестью не допускаю, и об этом прекрасно известно начальству.

– Интересная классификация. Позвольте поинтересоваться, это как?

– Полицейские в нашей губернии, как впрочем, я в этом уверен, и по всей России делится на три неравные категории: у нас есть несколько человек, не берущих ничего, множество лиц, ограничивающих поборы теми пределами, которые, по местным взглядам, считаются есте-

---

¹⁴ Пристав говорит о приданом.

ственными и дозволенными, и, наконец, некоторое количество таких взяточников, которые всегда и всеми признаются за порочных людей: на них жалуются, их преследует прокурорский надзор, и губернское начальство от времени до времени принуждено причислять их к губернскому правлению, или сплавлять соседним губернаторам. Я отношусь ко второй категории. Я охотно получаю подношения к Рождеству и Пасхе, прикрываю глаза на разную мелочь, с удовольствием обираю жидов, но в сделки с ворами и бандитами никогда не вступал и не вступлю. Зильберт же для увеличения своего благосостояния не брезгует никакими средствами.

– Однако вы со мной весьма откровенны!

– А почему мне не быть откровенным? Причин сообщать о моих откровениях моему начальству у вас не имеется, тем более, что моё начальство и так обо всем этом знает.

– И почему же господина помощника пристава не увольняют?

– Да когда же у нас в России выносили сор из полицейской избы? Да и прямых доказательств лихоимства господина губернского секретаря не имеется. Максимум что может сделать губернатор – сплавить господина Зильберта в соседнюю губернию, получив взамен полицейского с такими же свойствами. Ну и зачем шило на мыло менять?

– Да-с... Ну, допустим, вы – хороший полицейский, а Зильберт – плохой. Но не дурак же он? Ведь арестованный Котов всегда мог рассказать судебным властям о зильбертовских сделках с совестью!

– Не особенно Зильберт и умён, а уж жаден – чрезвычайно. Видимо, рассчитывал как-то договорится с Котовым, может быть хотел побег ему устроить, а может быть на покровителей уповал.

– На покровителей?

– Сами подумайте – можно ли два года успешно скрываться от полиции, имея в агентах только одного помощника участкового пристава?

– Ну что ж, вполне логично. Итак, Зильберт поймал Котова, получил две тысячи, организовал его побег, а когда Гайдук засветился в столице – поехал его ловить, чтобы не поймать?

– Всё верно, кроме одного – побег организовал не Зильберт, а, скорее всего, закадычный дружок Котова – Аверьян Маламут.

– В досье Зильберта сведения о членах шайки весьма скудные. Вы можете рассказать о господине Маламуте поподробнее?

– О! Это личность весьма примечательная! Незаконнорождённый сын одного румынского боярина, красавец мужчина, получивший прекрасное воспитание и образование. Батюшка денег на него не жалел, но и признавать не торопился. Поэтому, когда умер, Аверьян, привыкший к шикарной жизни, остался без гроша – законная супруга отца сразу же погнала этого анфан терибля прочь. Маламуту ничего не оставалось делать, как начать грабить и воровать. На этой почве он с Гришей и сошёлся и стал у Котова правой рукой и лучшим другом. Вам Зильберт рассказывал, как произошёл побег Григория Ивановича?

– В привезённом им материале был отчёт начальника тюрьмы об этом происшествии.

– А про папиросы с наркотиком и таинственную незнакомку в этом отчёте что-нибудь говорилось?

– Нет! – удивился Кунцевич, – из отчёта следует, что кто-то передал Котову стамеску и с её помощью он открыл дверь камеры.

– Дело было так: через две недели после ареста Котова к начальнику губернской тюрьмы явилась богато одетая барышня, явно из общества и пожелала пообщаться со знаменитым разбойником. Просьба подозрений не вызвала – экзальтированные дамочки ходили к Григорию Ивановичу гурьбой, а трое предлагали ему руку и сердце! Начальник, разумеется, разрешил свидание и этой. Незнакомка передала Котову одеяло и пачку дорогих папирос. Котов в это время содержался в одиночной камере, расположенной в тюремной башне, на самом верху. Вечером Котов угостил папироской надзирателя, и тот, пару раз затянувшись, упал замертво.

Гайдук забрал у него ключи, пробрался на чердак, распустил одеяло на верёвку, оно специально так было сшито, спустился по ней во двор, там приставил к стене доску и выбрался на свободу.

– Странно, что Зильберт ничего мне об этом не сказал.

– Тому есть причины, о которых я сообщу позже. Узнав об обстоятельствах ареста Гайдука и его побега, начальник губернии возмутился, вызвал меня в Кишинёв секретной депешей и поручил параллельные розыски Котова мне. Мне передали изготовленную для губернатора копию дознания, которую я внимательно изучил. Через две недели после побега Котова по городу стали циркулировать слухи, что он ушёл в Румынию, несколько человек, из числа контрабандистов божились, что видели Гришу в Яссах. Нападения банды Гайдука прекратились и розыск постепенно сошёл на нет. По-настоящему продолжал искать Котова только я, но через два месяца из-за отсутствия результатов также прекратил поиски и вернулся в стан. А третьего дня получил телеграмму губернатора, и вот я у вас. Скажите, что вас надоумило прислать приметы Котова в Кишинёв?

Коллежский секретарь рассказал.

Пристав воскликнул:

– Говорил по-румынски! Значит, и Аверьян здесь! Выходит, не зря я тратил деньги на билеты!

– А почему вы решили, что это именно Маламут? Может быть это другой член шайки? И, Николай Михайлович, в нашем разговоре по телефону, вы сказали, что знаете, как найти Котова. Мы довольно долго общаемся, а, мне это до сих пор непонятно.

– Прошу прощения, с этого надо было начать. Дело в том, что я знаю даму, которая принесла Грише папиросы и одеяло. Это дочь графа Попеску Виолета, она имеет постоянное жительство в Петербурге. У её бабушки тут фамильный особняк. Может быть, Гайдук говорил в телефон с кем-нибудь другим из своих подручных, но, скорее всего, это всё-таки был Аверьян. Он весьма дружен с Фиалкой.

– С кем дружен?

– С Виолетой. Виолета по-румынски – фиалка.

Глава 4 Фиалка

«Озабочиваясь обеспечением возможной безопасности чинов полиции при исполнении ими служебных обязанностей, в особенности, при производстве обысков, которые за последнее время всё чаще и чаще сопровождаются вооружённым сопротивлением властям, Департамент Полиции долгом считает уведомить, что в I Доме Трудолюбия С-Петербургского столичного попечительства общества о домах Трудолюбия изготавливаются предохранительные панцири офицерского образца по 15 рублей за штуку и щиты по 5 рублей, вполне удовлетворяющие, согласно указаниям опыта, своему назначению...»

Из секретного Циркуляра Департамент Полиции от 18 ноября 1902 г.

Богдан Попеску был правнуком великого драгомана Порты Григора Попеску – одного из богатейших людей Османской Империи, в великолепном дворце которого в Бухаресте 11 июля 1812 года был подписан мирный договор между Россией и Турцией, отдававший Бессарабию во владение Российской империи.

Однако сразу же после подписания этого акта, султан обвинил Попеску в предательстве – договор, текст которого разрабатывал драгоман, был крайне выгоден России и существенно ущемлял интересы Турции. Григору пришлось бросить дворец и скрыться в России. Обвинения, по всей видимости, были обоснованными – Александр I принял Попеску как дорогого гостя и взамен утраченных земель и дворцов пожаловал ему огромное имение в Бессарабии и роскошный особняк на берегах Невы. Впрочем, в этом доме беглый драгоман почти не бывал – столичный климат не подходил теплолюбивому румыну и сумрачному Петербургу он предпочитал солнечное бессарабское захолустье.

Дом переходил по наследству и сейчас принадлежал совершенно обрусевшему Богдану Васильевичу Попеску. Богдан Васильевич служил по министерству иностранных дел, поэтому вынужден был проживать в столице. Впрочем, питерская сырость для организма дипломата была естественной средой обитания, а вот жару он, наоборот, переносил плохо, поэтому в имении пращура появлялся крайне редко. Но дочку на берега Днестра отправлял регулярно – Виолета Богдановна проводила в имении дядюшки все вакации¹⁵. Там-то она, по всей видимости, и познакомилась с писанным красавцем Аверьяном.

– Я думаю, что уговорить барышню спасти друга Маламуту не составило никакого труда, да и уговаривать, скорее всего, не пришлось – в наших краях Гриша слышит за героя. Раскрылась её личность совершенно случайно – в прошлом году отмечали девяносто лет со дня вхождения Бессарабии в состав Российской империи, в газетах поместили фотографии потомков так много сделавшего для этого Григора Попеску, вот начальник тюрьмы Фиалку-то и узнал.

– Вы её допросили?

Пристав посмотрел на сыскного чиновника с недоумением:

– О чём вы? Она племянница богатейшего человека края и её допрос стал бы концом моей карьеры.

– Да, ситуация. Граф служит по МИД. Небось, и чин имеет?

– Превосходительство¹⁶.

¹⁵ Здесь – каникулы.

¹⁶ Согласно Табели о рангах, «превосходительством» титуловали особ, имевших чины 4 и 3 класса (действительного статского советника и тайного советника соответственно).

– Да... К ней и здесь тяжеленько будет подступиться. Хорошо, я завтра, – Кунцевич посмотрел на напольные часы. Они показывали половину третьего ночи, – точнее уже сегодня, начальнику доложу, авось что-нибудь да придумаем. Надеюсь, начальнику-то я могу о вас рассказать?

– Ну уж начальнику-то конечно можете, но больше, ещё раз прошу – никому. – Становой поднялся. – Однако, засиделся я у вас, пора и честь знать. Горничную не будите, я сам оденусь. И покорнейше прошу, как план действий разработаете, уведомите, пожалуйста, меня. Мой номер в «Пале Рояле» 115.

Выслушав подчинённого, Филиппов надолго задумался. Потом сказал:

– Формально допрашивать эту мадмуазель мы не имеем никаких оснований. Для этого надобно, чтобы начальник кишинёвской тюрьмы дал показания тамошнему следователю, а тот прислал бы нам отдельное требование о её допросе. А беседовать с ней без веского повода – себе дороже. Да и пользы для дела я в такой беседе не вижу – скорее всего, барышня нам ничего путного не скажет, мы не только ничего не узнаем, а наоборот дадим понять Котову, что нам о нём многое известно. Тогда найти его станет ещё труднее. Остаётся одно – наблюдать, устанавливать связи. Вдруг она встретится с Гайдуком, или, что скорее с этим, как его, Меламедом.

– Маламутом, – поправил начальство чиновник для поручений.

– Ну да, с ним. Пусть кто-нибудь из ваших надзирателей походит за этой Фиалкой. Дайте им фотографию Котова.

– Слушаюсь. Мне Зильберт ещё несколько карточек других членов шайки вручил.

– Замечательно, и их тоже дайте. И вот ещё, что, Мечислав Николаевич. Алексеев, язви его в душу, в запой ушёл. Мне говорят, это для него явление обыкновенное?

– Точно так-с. Раз в полгода на десять деньков отключается от земных забот, но затем службу несёт исправно.

– Он третьего дня пить начал, стало быть, ещё неделю к службе будет неспособен. А убийством бывшего околоточного почему-то прокурорский надзор интересоваться начал, постоянно про ход розысков спрашивают. Вы этим дельцем тоже займитесь, пока Алексеев в себя не придёт, сделайте одолжение.

– Слушаюсь.

– А я пасхальные наградные этого пьяницы вам отдам.

Вернувшись в свой кабинет, Кунцевич вызвал Игнатьева, рассказал ему о Виолете Попеску, выдал фотографические карточки и велел глаз с барышни не спускать. Игнатьев уже стоял у двери, когда Мечислав Николаевич вспомнил про околоточного:

– Пётр Михайлович, вы с начальством убиенного надзирателя побеседовали?

На лице подчинённого появилось было недоуменное выражение, но он тут же вспомнил о чём идёт речь.

– Точно так-с.

– Ну и что говорит пристав, как о покойнике отзывается?

– Да никак – обыкновенный околоточный, не лучше и не хуже других. Правда, недавно выяснилось, что он мздоимцем отказался, но какой околоточный не мздоимец?

– Ну-ка, ну-ка, поподробнее.

– Серикова уволили за взятки, причём уволили в двадцать четыре часа, без всяких дознаний. 31 января был превосходным служакой, коллежского регистратора на Пасху должен был получить, а 1 февраля градоначальник его уволил и велел на службу больше никогда не принимать.

– Чем же он так ему не угодил?

– Пристав-то со мной не больно откровенен был, пришлось мне с тамошним сыскным надзирателем поговорить. Оказалось, что Сериков весёлым домам покровительствовал. Знали об этом, естественно все, в том числе и пристав, да и в доле пристав был, как же иначе. В январе претензий к Серикову никто не предъявлял, а 1 февраля их с приставом на Гороховую¹⁷ вызвали и вручили приказы, Серикову – об увольнении от службы, приставу – о неполном по службе соответствии. В участке все недоумевают из-за чего. Видать, кому-то важному дорогу перешёл.

– Скорее всего, именно так и было. Узнать бы из-за чего околоточного уволили, только кто нам об этом скажет! Да даже если он с кем-то из высокого начальства что-то не поделил, убивать-то его не стали бы. После увольнения он никакой опасности уже не представлял. Да и времени много прошло. Я бы ещё понял, если бы он кому-нибудь под горячую руку попался. Я помню, раз, получил на орехи из-за одного коллеги от самого его превосходительства господина градоначальника, так попадись мне тот коллега, когда я на Гороховую вышел – я бы его при всём честном народе голыми руками задушил. Но пока до Офицерской добрался – весь пыл из меня вышел, так, что я этого коллегу и пальцем не тронул. Отомстил конечно, но без вреда для жизни и здоровья. Выходит, здесь искать не будем?

Игнатьев пожал плечами:

– А зачем нам вообще кого-то по алексеевским делам искать, чай у нас своих дел хватает.

– Филиппов приказал мне этим делом заняться, пока Николай Яковлевич с зелёным змием борется. Вы, прежде чем уйти, не сочтите за труд, позовите ко мне Гаврилова, пусть зайдёт со всем дознанием.

Игнатьев нашёл Котова через неделю. Рассказывал он начальству о своих успехах быстро, поминутно самодовольно ухмыляясь:

– Барышня эта дома не сидит – то в театр с маменькой, то в Гостиный с прислугой, то в кофейню с подругами. А во вторник пошла она с горничной к портнихе, в магазин дамского платья «Генриетта», на Казанской. Горничную у магазина отпустила, велев явиться через два часа. Та вернулась точно в срок, но породила барышню у входа ещё с полчаса. Наконец госпожа Попеску изволила выйти. Вышла – вся светится, не идёт, а летит-порхает. Каюсь, я о причинах такой радости только час спустя догадался. Пошёл я к Мартышкину – нашему надзирателю во втором Казанском участке, и тот мою догадку полностью подтвердил. Владелица «Генриетты» – Генриетта Оттовна Герлах доход имеет не только от платьев и прочих дамских нарядов, а ещё и от того, что предоставляет свои апартаменты для тайных любовных свиданий. В четверг барышня опять к портнихе пожаловала, я – за ней. Опять она там два часа пробыла, опять прислуга её на улице дождала. Вышла, извозчика кликнула, и они с прислугой укатили. Но я за ними не последовал, у дома портнихи остался, хотя и продрог весь. Минут через пятнадцать, смотрю, выходит – фронт франченный, в пальто до земли, с бобром на шее, в шапке соболиной. Я его румынскую физиономию сразу узнал. Прыг этот Аверьян на извозчика и был таков. Только я-то знал, что так получится, заранее с «вейкой»¹⁸ сговорился – он за два дома от магазина встал, и как только Маламут вышел, к нему и подкатил. Проводил я, значит санки взглядом, и пошёл в ближайший трактир, чайком погреться. И сорока минут не прошло, вернулся мой вейка, ну и отвёз меня на Пески к дому, где этого Маламута высадил. А там мебелирашки. Через управляющего я узнал, что Аверьян живёт у них под именем Стефана Кудейко, варшавского мещанина. Я управляющему ещё и Котова карточку показал, и тот опознал по ней Кудейкиного знакомого, который его почитай каждый день посещает. В мебелирашках телефон установлен. Как только Гриша к Аверьяну придёт, управляющий должен позвонить во второй

---

¹⁷ В доме 2 по Гороховой находился кабинет градоначальника.

¹⁸ Вейка – прозвище финских крестьян, занимавшихся сезонным извозчицким промыслом в столице в зимний период.

участок Рождественской части – он ближе всего к мебелирашкам. Я тамошнего дежурного уже предупредил, троих агентов туда отправил. С вас два рубля за извозчиков. У меня всё.

Второй участок Рождественской части занимал несколько комнат в доходном доме жены полковника Яцыниной, расположенном на углу Дегтярной и Восьмой Рождественской и располагался менее, чем в ста шагах от мебелированных комнат «Зефир», в которых остановился Маламут. Три агента сыскной полиции разместились в комнате околоточных и дулись в карты, Игнатъев читал в дежурке газеты, слушая крики и брань доставленной и пришедшей самостоятельно в участок публики, и то и дело поглядывая на телефон. Трём предоставленным в его распоряжения подчаскам, он приказал отдыхать, не снимая сапог. Звонок из «Зефира» поступил в половине одиннадцатого вечера. Поговорив по телефону, Пётр Михайлович переложил офицерский «Наган» в карман пальто, перекрестился, и нахлобучил на голову шапку-пирожок. В это время агент старшего оклада Осипов прилаживал на грудь пулезаститный панцирь системы Галле-Задорновского¹⁹ – ему предстояло первому встретиться с бандитами.

Занимаемая румыном комната находилась в третьем этаже. Игнатъев, оценив расстояние от окон до тротуара, передумал оставлять на улице городовых. Полицейские зашли в мебелирашки, побеседовали с беспрерывно крестящимся управляющим, затем, прихватив с собой коридорного, поднялись по лестнице и подошли к обитой рваной клеёнкой двери.

Оказавшись перед тонкой деревянной преградой, отделявшей его от вооружённых налётчиков, коридорный позабыл всё только что полученные инструкции, и стоял неподвижно, уставившись на дверь как баран на новые ворота. Сыскному надзирателю пришлось тыкнуть его в бок дулом револьвера. Только после этого служитель опомнился и робко постучал в дверь.

– Кто? – раздался из комнаты мужской голос.

– Самоварчик приказывали-с? Я принёс.

Сказав эту фразу, коридорный не отошёл от двери, как было условлено, а продолжал стоять, тупо пялясь на коричневую обивку. В двери в это время послышался звук отпирившего замок ключа. Осипов схватил гостиничного служителя за шкуру и задвинул себе за спину, встав на его место. Сделал он это видимо не совсем ловко, так как скрежетание ключа в замочной скважине прекратилось и в коридоре повисла недобрая тишина.

– Открывайте, Маламут, не-то дверь вышибем! – грозно крикнул Игнатъев. Осипов, по лицу которого ручьём лил пот, сначала увидел, как в филёнке медленно образуются рваные отверстия из которых в разные стороны летят фанерные щепки, и только потом услышал хлопки выстрелов. В грудь что-то сильно стукнуло. Агент покачнулся и всем телом навалился на дверь. Хлипкий гостиничный замок не выдержал, дверь отворилась, в грудь агента ударили ещё две пули, ему сделалось нестерпимо больно, и он повалился внутрь комнаты. У городовых не выдержали нервы – они стали палить в белый свет, как в копеечку, к ним тут же присоединились сыскные. Аверьяна отбросила к окну, его белоснежная сорочка расцвела красными цветами сразу в нескольких местах. Игнатъев в миг сообразил, что Маламут в комнате один, и стал вертеть головой, разыскивая коридорного. Бедный малый сидел на кортах у стены, обхватив голову руками. Сыскной надзиратель схватил его за волосы и поднял на ноги:

– Уборная на этаже есть? – прокричал он ему в самое ухо.

Служитель протянул руку в направлении дальнего конца тёмного коридора.

– А ну, за мной! – крикнул Игнатъев и помчался в указанную сторону. Дверь в ватерклозет оказалась более крепкой – её пришлось рубить топором, который догадались прихватить из участка. Наконец, и с этой преградой справились. Но кроме чугунного горшка в малень-

---

¹⁹ Такой панцирь – прообраз бронжилета действительно был принят на вооружении Российской полиции, правда несколько позже – с 1907 года.

ком, тускло освещаемом керосиновой лампой помещении, ничего не было. Хлопала от ветра створка оконной рамы наполовину замазанного белой масляной краской окна.

– Как же ему убежать удалось, ведь третий же этаж? – поинтересовался Филиппов, заглядывая внутрь комнаты Маламута.

– Рядом с окном уборной проходит водосточная труба, он по ней и спустился. – доложил Кунцевич.

– Да, ловок! Но о его ловкости нам и ранее было известно. Почему такой вариант бегства не предусмотрели?

Кунцевич только развёл руками, а Игнатъев задрал глаза в потолок.

– Да-с, – вздохнул Филиппов, – впрочем, всего не предусмотреть, но это урок нам всем на будущее. Как Осипов?

– Ребро ему пуля сломала, врачи говорят, поправится, – доложил коллежский секретарь.

– Это хорошая новость, правда, к моему глубочайшему сожалению из хороших она единственная, не так ли? – Филиппов буравил подчинённых глазами.

Глава 5

Несколькими днями раньше

«Иногда случается, что документ исчез или похищен, но остаётся чистый лист писчей, пропускной, восковой или иной бумаги, лежавший некоторое время в соприкосновении с текстом документа. На таком листе бумаги, особенно если он соприкасался с текстом (достаточно 1–2 часов) под некоторым давлением, хотя бы и небольшим, образуется скрытый, невидимый отпечаток, который возможно проявить и таким путём восстановить содержание утраченного документа.

Образовавшийся скрытый отпечаток в достаточной степени стоек. Он не поддаётся действию воздуха, и даже спирт только ослабляет проявленный текст, но не разрушает его. Лишь вода действует разрушительно».

Трегубов С. Н. Основы уголовной техники. Научно-технические приёмы расследования преступлений. Петербург, издание юридического книжного склада «Право».

Пока Игнатъев искал Котова, Кунцевич и Гаврилов искали убийцу отставного околоточного. По горячим следам Гаврилов установил, что за день до смерти отставной полицейский вышел из дому около восьми вечера, наказав кухарке ужин не готовить. Дворник сообщил, что Сериков, которому он обычно подыскивал извозчика, в этот вечер его услугами не воспользовался и отправился куда-то пешком, очевидно недалеко. Рассудив, что околоточный отказался от домашней пищи, намереваясь поужинать на стороне, Гаврилов стал обходить близлежащие заведения, в одном из которых – «Золотой Ниве», околоточного узнали по фотографической карточке. Оказалось, что Дмитрий Анастасьевич являлся их постоянным клиентом, и накануне своей смерти тоже изволил заходить.

– Заняли-с отдельный кабинет, приказали закусок, водки и велели, коли кто об их благородии буде спрашивать, немедленно к нему препроводить, – доложил сыскному надзирателю белобрысый половой. – Через полчаса пришёл один господин, они в кабинете около трёх часов сидели, потом вдвоём уехали.

Куда поехали гости, половой указать не смог, швейцар же вспомнил, что нашёл им извозчика, но не из постоянных, а какого-то «ваньку»:

– Как назло, нашенских никого не было, пришлось первого попавшегося остановить. Через это дело номер санок сказать не могу.

И половой и швейцар, божились, что коли им собутыльника убитого покажут, то они его непременно узнают. Со слов ресторанной прислуги ужинал с Сериковым невысокий молодой – лет тридцати, человек, круглолицый, безбородый. Имелась у него и особая примета – далеко выступающие вперёд передние зубы. Половому и швейцару показали несколько фотографий подходящих под эти приметы злодеев, зарегистрированных в сыском отделении, но они никого не узнали. Поиски извозчика также не дали положительных результатов.

Мечислав Николаевич долго перебирал изъятые в квартире Серикова бумаги, а потом изъявил желание лично посетить его жилище. Сыскной надзиратель стал убеждать начальство, что в жильё убиенного он каждый квадратный вершок на коленях исползал, но чиновник настоял на своём. Путь был неблизким, поэтому взяли извозчика. Квартиру отставной околоточный снимал в Седьмой Роте²⁰.

²⁰ Седьмая Рота, Седьмая Рота Измайловского полка – название одной из Петербургских улиц (ныне – Седьмая Красноармейская).

Узнав, что покойный жил в отдельной трёхкомнатной квартире, Кунцевич возмутился:
– Я себе такие хоромы позволить не могу! А у меня жалование-то побольше сериковского. Сколько он получал?

– Семьсот, ваше высокоблагородие, но у него контракт на квартиру был только до Троицы, хозяин сказывал, что жилец дальше его продлевать не намеревался.

– Ну естественно, человек службы лишился, пришлось сократиться. С кем он жил?

– Один, как перст. Кухарку только держал.

– Так квартиру небось давно сдали! – коллежский секретарь хотел уже остановить извозчика.

– Никак нет-с, я на неё казённую печать наложил. Управляющий домом возмущаться было начал, но я ему напомнил, про контрактёц. Коли вы, говорю, квартиру намерены сдавать, то и деньги, от Серикова полученные наследникам возратить должны – у покойника братья и сестра в Новгородской губернии. Долго мы с управляющим спорили...

– И на чём сошлись? На четвертной?

Гаврилов потупился.

– Ладно, я в ваши дела вмешиваться не буду. Сколько он у вас времени выторговал?

– Печать надобно снять до первого апреля... – неохотно признался сыскной надзиратель.

Квартирка и вправду была немаленькой, и весьма миленькой. Со вкусом отделанные комнаты хозяин обставил новой мебелью. В гостиной находился гарнитур красного дерева обитый жёлтой тканью, в спальне стояла широкая кровать, накрытая атласным одеялом, в кабинете было несколько венских стульев, кушетка и огромный, во всю стену книжный шкаф. У окна располагался такой же как шкаф огромный, крытый зелёным сукном письменный стол с дорогим даже на вид письменный прибором. Посредине стола лежала кожаная папка, наполненная прекрасной писчей бумагой.

Приступили к осмотру квартиры, возились более двух часов, но ничего интересного не нашли. Надо было уходить.

– Разрешите, я бумажки прихвачу, ваше высокоблагородие? – попросил Гаврилов, – канцелярия с Нового года ни листочка не дала, на свои приходится покупать, а бумага нынче дорога.

– Берите, она покойнику без надобности, – милостиво разрешил чиновник для поручений.

Надзиратель потянулся было к стопке, но Кунцевич вдруг остановил его, схватив за руку:

– Подождите.

Коллежский секретарь взял из пачки за самый краешек верхний лист, повернулся к окну и стал внимательно разглядывать его на просвет:

– Скажите, Гаврилов, а вам что-нибудь известно о методе Эрмлера?

– Каком методе?

– Химик Эрмлер не так давно предложил метод проявления скрытого текста посредством обработки листка бумаги раствором азотнокислого серебра.

– Не, не слышал.

– А зря! Превосходный, знаете ли метод.

Присяжный фотограф столичной судебной палаты титулярный советник Малеванский, налил в стеклянную колбу немного дистиллированной воды, потом пипеткой накапал туда же по несколько капель из разных пузырьков, взболтал колбу и кисточкой аккуратно нанёс раствор на изъятой в квартире Серикова лист. Дав бумаге высохнуть, он поместил лист в стеклянную кассету и положил её на подоконник. Через несколько минут на светлом фоне появились

коричневые штрихи. Дождавшись, когда изображение проявится полностью, фотограф схватил листок пинцетом и поместил в кювету.

– Две – три минутки будет фиксироваться, потом просохнет и можете забирать – сказал он коллежскому секретарю. – Кстати, откуда вы знаете о методе Эрмлера?

– Приятель рассказывал. У меня есть приятель – химик. Как-то за рюмкой коньяку разговорились.

Малеванский улыбнулся:

– Прелестно! А я обычно за коньяком о науке не вспоминаю, мы с друзьями за коньяком обычно о дамах говорим. – Немного подождав, фотограф вынул бумагу из кюветы и положил на стол. – Ну-с, чайку, пока высохнет?

– С удовольствием! – не стал отказываться Кунцевич.

– Иван Сергеевич! – крикнул титулярный советник в глубь лаборатории, – распорядитесь насчёт чаю, будьте любезны!

Текст на листке получился зеркально-перевернутым, и Мечислав Николаевич сначала ничего не мог разобрать. Но помощник Малеванского принёс зеркало, и коллежский секретарь прочитал:

«Милостивый государь! Признаться честно, не ожидал от вас такой прыти. Однако прозорливость ваша вам же выйдет боком! Поскольку благодаря вашим стараниям я лишился службы, постольку теперь считаю себя свободным от данного вам слова. Если вы по-прежнему не хотите, чтобы о ваших шалостях прознало начальство, предлагаю передать мне в срок до 24-го сего февраля три тысячи рублей. Не удивляйтесь тому, что сумма выросла втрое против переданной ранее – из-за ваших интриг у меня поменялись обстоятельства. Никаких оправданий не приму, ибо о вашем живейшем участии в моём увольнении мне известно не понаслышке, однако заверяю, что на этот раз это будет действительно последняя моя просьба. Поскольку личность моя теперь вам известна, обойдёмся без давешней конспирации – извольте сообщить мне о своём согласии телеграммой: «согласен встретиться тогда-то» Место встречи – трактир «Золотая Нива» на Малом Царкосельском. Обойдусь без всяческих заверений в своём к вам почтении, так как такового не испытываю. За сим – прощайте!».

– Ну, как поможет этот текст вашему дознанию? – спросил присяжный фотограф, щедро сдабривая чай Кунцевича коньяком.

– Непременно! – заверил его Мечислав Николаевич, – теперь я понял, что ошибался. И даже знаю, где искать убийцу.

– И где же?

– В Градоначальстве.

Глава 6

За двумя зайцами

Поскольку в пальто и шапке в тёплую убожную ходят крайне редко, сыщики решили спросить публику, а прежде всего – стоявших на близлежащих к «Зефиру» улицах извозчиков о господине, разгуливающим по городу одетым не по сезону. Идея оказалась удачной – вёзшего Котова «ваньку» нашли на следующий же день. Он рассказал, что доставил странного седока в ближайший магазин готового платья, где тот, по словам приказчика, не торгуясь и не особенно выбирая, купил пальто на вате, шапку пирожком, и спешно покинул магазин. Розыски на всех столичных станциях железных дорог результатов не дали.

– Удрал он из города или нет, как вы думаете, Мечислав Николаевич? – спросил коллежского секретаря Филиппов.

– А чёрт его знает, ваше высокородие, – ответил Кунцевич, – с одной стороны, ему сейчас надобно бежать от нас, что есть силы, а с другой... Он, скорее всего теперь совершенно без средств – почти всё награбленное мы отобрали при обыске номера Васильева, а остатки нашли на квартире Маламута. Мог он конечно и «голым» убежать, а вот только в столице, среди миллиона жителей и укрыться проще, да и крупный грант замастырить сподручнее.

Филиппов покусал губы:

– А вот этого совсем не хотелось бы!

Кунцевич прекрасно понимал опасения нового начальника – вчера знакомый чиновник из градоначальства рассказывал, что лично слышал, как его превосходительство сетовал, что погорячился с назначением Владимира Гавриловича на должность. Видать свои сомнения градоначальник и от Филиппова в секрете не держал. Запереживаешь тут!

Филиппов достал из стоявшего на столе сигарного ящика «гавану» и подвинул ящик к коллежскому секретарю.

Кунцевич отрицательно pokrutil головой:

– Спасибо, не курю-с.

Начальник не спеша раскурил сигару и сказал:

– Рассмотрим оба варианта. Объявим Котова в циркулярный розыск по всей империи, но и сами расслабляться не будем: я прикажу раздать его карточки и описания примет всем надзирателям и во все участки, пусть внутренняя агентура приналяжет. У вас какие мысли на этот счёт есть?

– Надобно к розыску привлечь мадмуазель Попеску.

– Попеску? – удивился надворный советник. – Вы считаете, Гайдук с ней свяжется?

– Не знаю, ваше высокородие, но Виолета Богдановна теперь единственная известная нам ниточка, ведущая к господину Котову. Грех за неё не подёргать.

– И кому же дёргать прикажете? – спросил начальник, раскуривая сигару.

– Есть у меня один кандидат не примете. Я имею ввиду нашего молдавского гостя, господина Хаджи-Македони. Он её земляк, да и весьма недурён собой.

– Так мадмуазель же сейчас в трауре, она же только-только потеряла сердечного друга!

– Вот грек её и утешит.

Филиппов немного подумал:

– Ну что же, будь по-вашему.

– Благодарю. Кстати, а чем занимается второй молдаванин, тот который немец?

– А чёрт его знает! Он несколько раз приходил, просил, даже скорее требовал, посвятить его в ход розысков, но будучи уведомлён вами об имеющихся в отношении Зильберта подозрениях, я этого делать не спешил. В результате помощник пристава обиделся и, заявив, что будет проводить дознание самостоятельно, удалился. Дней пять я его не видел.

– А давайте отправим его от греха обратно, в Бессарабию? Скажем, что имеем точные сведения о том, что Котов в родные края подался.

– Давайте, всё равно от него никакого толку. Я распоряджусь. Ну с этим делом, слава Богу, разобрались. А что у вас с Кронштадтом?

– Я вчера туда собирался, а тут это... Но завтра непременно съезжу.

Из текста восстановленной записки было ясно, не только то, что Сериков шантажировал неизвестное лицо, но и то, что это лицо смогло вычислить шантажиста. Поскольку деньги отставной околоточный просил за сокрытие от начальства неких проделок шантажируемого, становилось очевидным, что шантажируемый – скорее всего чиновник. Кунцевич склонялся к тому, что он принадлежал к числу полицейских, ибо Серикову легче всего было найти грешника именно в среде себе подобных. При чём полицейский этот должен был быть не рядовым сотрудником – поспособствовать увольнению околоточного городовому не под силу, да и за какие такие грехи городской может тысячу отвалить? «Пристав, не меньше, – рассуждал Мечислав Николаевич. – А может быть спросить о причинах увольнения Серикова у градоначальника, сразу станет понятно, кто этому увольнению способствовал. А может это один из полицмейстеров?! А может, он самому Клейгельсу дорогу перешёл! – коллежский секретарь ужаснулся собственным мыслям. – Да нет, слишком мелка сошка. Но я, пожалуй, поостерегусь, спрашивать пока никого не буду, сам постараюсь узнать. Итак, покойник отправил шантажируемому как минимум две записки, причём в первой личность свою не раскрывал. Однако шантажируемый установил её довольно быстро, о чём свидетельствует упоминание о его прыти и прозорливости. Как он это мог сделать? Очевидно, что жертва шантажа по каким-то изложенным в первом письме приметам, сделала вывод о том, что денег у неё просит брат-полицейский. Как же найти этого брата? Первое, что приходит на ум – сличить почерк в записке с почерками, которыми заполнено множество ежедневно составляемых полицейскими бумаг. А где можно поискать образцы почерка полицейского? Первым делом, конечно в участке. Но очевидно, что Сериков своего пристава не шантажировал – не совсем же он дурак. Тогда, где ещё? Выходит – в Градоначальстве». Туда-то на следующий день после колдовства над бумагами околоточного Кунцевич и отправился.

Канцелярия помещалась в доме градоначальства, на Гороховой, в двух шагах от квартиры Мечислава Николаевича, поэтому коллежский секретарь пришёл туда к самому началу присутствия. После непродолжительных бесед с несколькими чиновниками, сыщик понял, что образцы почерков проще всего изучать по прошениям об увольнении в отпуск – эти бумаги хранились в отдельных, за каждый год папках, в Общем делопроизводстве.

Старший помощник делопроизводителя титулярный советник Лаевский выслушав вопрос Кунцевича, покачал головой:

– Нет-с, не было такого, чтобы кто-нибудь посторонний эти бумаги ворошил. Кому они кроме нас нужны? Сказать честно, они и нам без всякой надобности, место только попусту занимают.

Писец Осипчук, в чём непосредственном ведении находилась переписка по отпускам, целиком и полностью разделил мнение начальства, и похихикал неостроумной шутке его благородия. Однако бегающие глазки и не находящие себе места руки писца давали сыщику все основания усомниться в его искренности.

Придя на Офицерскую, Кунцевич доложил о результатах своих изысканий начальству. Выслушав подчинённого, Филиппов велел коллежскому секретарю облачиться в мундир и сопровождать его к его превосходительству господину градоначальнику.

Узнав обстоятельства дела, генерал-лейтенант Клейгельс велел позвать к себе Лаевского и Осипчука. Когда делопроизводитель и писец явились, градоначальник, не повышая голоса сказал:

– Господа, извольте сейчас же правдиво рассказать господину начальнику сыскной полиции всё, что он у вас спросит. В противном случае, я своей властью вышлю вас из столицы. В двадцать четыре часа, господа! Вы конечно можете жаловаться, но я со своей стороны сделаю всё возможное, чтобы ваши жалобы остались без последствий. А возможности мои вам известны. Более никого не задерживаю.

В течение нескольких минут после того, как сыщики и канцелярские покинули кабинет его превосходительства, Кунцевич узнал, что папки с прошениями об отпуске изучал, взяв на дом, секретарь полицмейстера второго отделения околоточный надзиратель Обеняков²¹.

Всю дорогу от Гороховой до Офицерской Филиппов и Кунцевич молчали. Войдя в кабинет, начальник приказал чиновнику поплотнее закрыть дверь, ослабил узел галстука, налил из стоявшего на столе графина полный стакан воды и с жадностью осушил его до дна.

– Ну-с, и что теперь мы будем делать? – спросил надворный советник коллежского секретаря.

Тот пожал плечами:

– Надобно подумать...

– Думать надобно было раньше! Чёрт меня дёрнул к градоначальнику поехать!

Кунцевич вполне разделял беспокойство начальника.

Обеняков был не сколько письмоводителем полицмейстера, сколько его самым доверенным человеком, правой рукой и хранителем тайн. А о тайнах, которые его превосходительство доверял своему секретарю, лучше было бы не знать вовсе. Евграф Николаевич Гусев, впрочем, как и большинство высоких полицейских чинов, жил отнюдь не на жалование – имел целую кучу других, отнюдь не безгрешных доходов. До сбора дани с содержателей торговых, трактирных, увеселительных и иных заведений, действительный статский советник не опускался – этих господ обирали чины участковых управлений. Да и что с них взять – красненькую – другую в месяц? Такой масштаб его превосходительству был неинтересен. А вот распределение подрядов на обустройство служебных помещений, на поставку обмундирования для нижних чинов, на конский ремонт полицейской стражи – дело совсем другое. Поговаривали, что Евграф Николаевич в прошлом году на одних только портянках для городских на кровных

---

²¹ До реформ обер-полицейстера Фёдора Фёдоровича Трепова, столичная полиция состояла из четырёх инстанций. Возглавлял её обер-полицейстер, которому подчинялись три полицмейстера. Те, в свою очередь, руководили, каждый в своём отделении, частными приставами, число коих достигало двенадцати, а последним подчинялись квартальные надзиратели, которых было 58 – по числу кварталов. Трепов эту многоступенчатую структуру упразднил: должности частных приставов были вовсе ликвидированы, квартальные надзиратели переименовывались в участковых приставов, вместо 58 кварталов столицу поделили на 38 участков. Теперь участковые приставы подчинялись непосредственно обер-полицейстеру. Что же касается полицмейстеров то, «они, переставая быть административно-полицейскою инстанцией и непосредственно начальниками наружной Полиции по своим отделениям, входят в состав Управления Обер-Полицейстера, с присвоением им специальной обязанности наблюдать в указанной каждому из них местности за деятельностью участковой Полиции по наружной части, содействуя разъяснениями и указаниями правильному и точному исполнению общих по Полиции распоряжений Обер-Полицейстера, доводя до сведения его о всех нарушениях чинами наружной Полиции законных их обязанностей и служебного порядка и обо всех потребностях местного применения его распоряжений. Сверх того, они обязаны: присутствовать в указанной каждому из них части города на пожарах, наблюдать, согласно приказам по Полиции, за порядком в театрах и распоряжаться нарядами Полиции и жандармов, назначаемыми по случаю разных процессий, церемоний, собраний, гуляний и т. п., инспектировать по предписаниям Обер-Полицейстера Полицейскую стражу и исполнять другие его поручения, а равно заменять его лицо в тех случаях, когда он признает необходимым возложить на них такую обязанность». Иными словами, полицмейстеры из полновластных хозяев определённых частей города превратились в неких ревизоров наружной полиции, которые выявив допущенное чином полиции нарушение, могли только доложить об этом обер-полицейстеру и не имели права наказать своей властью никого, даже самого распоследнего городского. Их даже лишили собственных канцелярий! Со временем, часть былой власти полицмейстеры де-факто себе вернули, но штатных канцелярий им вплоть до полной ликвидации этого института не полагалось. Приходилось беднякам приглашать на канцелярские должности чинов наружной полиции – городских в качестве писцов, околоточных – в качестве письмоводителей.

рысаков заработал. А были ещё и клубы с из запрещёнными карточными играми, и дома терпимости, правила содержания которых были столь запутаны, что выполнить их все было просто невозможно. В общем, сфера незаконной деятельности полицмейстера была столь обширна, находилась на виду столь большого количества людей, что заниматься своими тайными делами без ведома градоначальника полицмейстер просто не мог. Разумеется, что между Клейгельсом и Гусевым отношения были если не дружескими, то весьма тёплыми. И теперь получалось, что сыщики узнали о причастности клеветы одного из ближайших соратников главы города к убийству! Да ещё и к убийству шантажиста, грозившего разоблачить какие-то тёмные дела. Положение у Филиппова и Кунцевича было значительно хуже губернаторского.

Филиппов налил себе ещё один стакан, но пить передумал, поставил его на стол и закурил сигару, при этом стоявшей на столе «гильотиной» не воспользовался, откусив кончик сигары зубами и выплюнув его прямо на пол.

– Да-с, недолго я сыскной покомандовал! Да и в столице недолго пожил. Интересно, куда меня отправят? Хотелось бы обратно в Польшу, да это вряд ли.

– Погодите, Владимир Гаврилович, – Кунцевич нарушил субординацию и назвал начальника по имени отчеству, – погодите отчаиваться. Сдаётся мне, что полицмейстер к убийству Серикова всё-таки не причастен.

– Отчего это вы так решили? – в голосе надворного советника звучала слабая нотка надежды.

– Ну, посудите сами! Сериков требовал от шантажируемого деньги, грозясь разоблачить его перед начальством. Да предъяви околоточный такие ультиматумы Гусеву, он бы и дня в столице не остался – следующим же утром уже по этапу в Сибирь топал. За что его туда отправить их превосходительства вмиг сообразили бы, был бы, как говорится, человек. А оттуда, из Сибири-то кричи-не кричи, ни до кого не докричишься. И искали бы они шантажиста вполне официально, может быть даже с нашей с вами помощью. Нет, здесь действовал кто-то масштабом поменьше. Наш брат, полицейский, у которого грехов много, а власти совладать с околоточным, пусть и с бывшим, не хватает. Пристав какой-нибудь, ну или помощник.

– Это что же этот ваш пристав должен был учудить, чтобы Серикова так бояться? Людоедство он у себя на участке прикрывал что ли? Да и потом, как пристав может околоточного другого участка уволить?

– Я думаю, что и здесь без Обенякова не обошлось. Этому вполне по силам такое вернуть. А вот почему наш Икс боялся Серикова, вот это вопрос! Все у нас грешат, но все и меру знают. И об их грехах начальству известно лучше любого серикова. Тут действительно что-то экстраординарное. Может быть сходим да прямо у Обенякова и спросим?

– Так он вам и скажет! Пошлёт он нас к известной матери, и как только мы туда отправимся, вмиг о нашем визите своему патрону доложит, а тот градоначальнику.

– Тогда давайте сами.

– Что сами?

– Сами градоначальнику доложим! Пусть он и решает, что делать. Только надо письменное донесение составить, зарегистрировать его по журналу исходящих и через разносную книгу его превосходительству отнести.

Филиппов внимательно посмотрел на Кунцевича. Потом хмыкнул:

– А не бойтесь, что после таких фокусов мы с вами сами изучать климат Амурской области отправимся?

– Не отправимся. Мы же в рапорте никого ни в чём обвинять не станем. Напишем только то, что выяснили в ходе дознания, письменные объяснения Осипчука приложим, рапорта Игнатьева, Гаврилова и Алексева, да вообще копию всего дознания приобщим! Пусть его превосходительство думает-гадает, кто ещё кроме нас об Обенякове знает? Всю сыскную-то в Сибирь не отправишь!

Филиппов покачал головой:

– Нет, он мне этого никогда не простит.

Начальник сыскного отделения сел за стол и принялся барабанить пальцами по крышке. Барабанил он довольно долго, потом решительно сказал:

– Подготовьте рапорт и весь материал, который считаете необходимым к нему приложить. Я лично ознакомлю с ним его превосходительство. Но приватно, без всяких входящих – исходящих. А там, *advienne, que pourra*²². В конце концов, в степи я свою службу начал²³, смогу в степи и окончить.

– Слушаюсь! Заодно спросите у его превосходительства, за что он Серикова уволил.

Филиппов вернулся от градоначальника только через четыре часа. Он сразу же проследовал в кабинет Кунцевича и войдя туда, бросил на стол коллежского секретаря папку с дознанием.

– А вы, Мечислав Николаевич, везунчик! Выслушав мой доклад, градоначальник вызвал Обенякова и тот сразу же признался, что взять папки с прошениями об отпусках его попросил кронштадтский полицмейстер Шарафов. На наше счастье, у его превосходительство очень непростые отношения с Макаровым²⁴, поэтому сведениям этим градоначальник даже обрадовался. Нам поручено в кратчайшие сроки провести негласное дознание по поводу злоупотреблений Шарафова и представить материалы Клейгельсу. Но дознание должно быть абсолютно секретным! Его превосходительство совершенно не хочет, чтобы кто-то знал об его участии в этом деле. Так что перепоручить дознание никому из подчинённых не получится, дознавать будете лично и в одиночку. И ещё. Господин градоначальник сказал мне дословно следующее: «Пусть ваш Кунцевич держит язык за зубами, а то я вспомню про Ведерникова». Вы понимаете, что он имел в виду?

– Понимаю-с. – Мечислав Николаевич аж пошатнулся.

– А я, признаться честно, нет. Что это за Ведерников?

– Я не уверен, что его превосходительство хотел бы, чтобы вы о нём узнали²⁵.

Филиппов вновь наградил подчинённого долгим взглядом, но более ничего про Ведерникова узнать не пытался.

– Кстати, спросил я у его превосходительства о причинах увольнения Серикова. Но тот мне ничего про них не рассказал, сказал только, что они к делу никак не относятся. Остаётся поверить ему на слово.

Начать «копать» по Шарафова Мечислав Николаевич решил с беседы с Обеняковым. Этот околоточный личностью был весьма примечательной. Будучи правой рукой полицмейстера и его представителем при переговорах с подрядчиками, он имел свой жирный кусок от этого пирога. Но этим тысячным куском Степан Степанович не довольствовался. Не гнушался он ничем. Брал деньги за содействие в переводе околоточного из низшего разряда в высший, за мзду предупреждал приставов о ревизии их участков, не брезговал рублёвыми подношениями городских к Рождеству и Пасхе. А когда Обеняков по поручения полицмейстера посещал какое-нибудь участковое управление, то, прощаясь с приставом, всегда просил:

---

²² Будь, что будет (фр.) Филиппов цитирует часть известной поговорки – «Делай что должно, и будь, что будет».

²³ На заре своей карьеры Филиппов служил следователем в Оренбургской губернии.

²⁴ В описываемое время Кронштадт не был частью города Санкт-Петербурга, а являлся отдельной административно-территориальной единицей. Возглавлял город военный губернатор, в 1903 году им был вице-адмирал Степан Осипович Макаров.

²⁵ Кто такой Ведерников, и почему Кунцевич не хотел о нём рассказывать Филиппову, читатель может узнать из книги И. Погонина «Превышение полномочий».

– Не одолжите ли, ваше высокоблагородие полтинничек на извозчика, а то я кошелёк в части забыл. Я отдам, непременно отдам. Только вы, будьте любезны, при нашей следующей встрече напомните.

Естественно, что о долге ему никто никогда не напоминал.

Полицейстер второго отделения имел резиденцию в той же Казанской части, где помещалось и сыскное отделение. Частный дом состоял из нескольких строений, не соединённых между собой внутренними переходами, поэтому Кунцевичу пришлось облачиться в шубу, выйти на Офицерскую, свернуть в Львиный переулок и зайти в дом 99 со стороны набережной. Обеняков был с ним весьма любезен:

– Да ежели бы я знал, ежели бы я знал! Понимаете, Мечислав Николаевич, – околоточный знал всех классных чинов наружной и сыскной полиции в лицо и по имени отчеству, – пришёл ко мне господин Шарафов и рассказал страшную историю. Так мол, и так, совершается противуправительственное преступление – поступают в его адрес подмётные письма. И сдаётся ему, Шарафову то бишь, что письма эти пишет полицейский чиновник. Вот он меня и попросил две папочки с рапортами на отпуск за прошлый и позапрошлый год ему представить. Я предложил к его превосходительству обратиться, но Шарафов сказал, что для беспокойства господина градоначальника оснований пока не имеется, проверит он всё мол, а уж тогда и доложит. Я ему, дурак старый, и поверил, доставил папки. Вот и всё моё прегрешение.

– А письма подмётные он вам показывал?

– Нет, об этом и речи не заходило.

– А когда папки возвращал, говорил, нашёл ли злодея?

– Сказывал, что не нашёл.

– Понятно. А увольнению Серикова вы никак не способствовали?

– Бог с вами, Мечислав Николаевич, нет, конечно! Да и если бы захотел, как бы я смог? Его участок даже не в моём отделении!

– Что ж, спасибо, честь имею откланяться. Надеюсь, предупреждать вас о полной секретности нашего разговора нет необходимости?

Околоточный замахал руками:

– Его превосходительством лично-с предупреждён!

Добравшись на поезде до Ораниенбаума, Кунцевич не стал пользоваться общественной каретой, а взял извозчика. Восемиверстовый путь по льду Финского залива был непродолжительным, но малоприятным: во-первых, в лицо коллежского секретаря дул холодный ветер, а во-вторых, мартовский лёд не вызывал никакого доверия. Но, слава Богу, доехали благополучно. Очутившись на твёрдой земле, чиновник перекрестился и направился во второй участок Купеческой части, к единственно лично знакомому ему чину здешней полиции – приставу Великосельскому. Но увидеть его не удалось – оказалось, пристав в прошлом году умер. Мечислав Николаевич, пригорюнился – из-за секретности розысков расспрашивать о полицейском друге других чинов кронштадтской полиции было нельзя. Кунцевич, выходя из участка, хотел толкнуть дверь, но та открылась без его участия, и сыщик увидел на пороге полицейского в шинели с погонами коллежского регистратора. Входящий посторонился, окинул выходящего взглядом и на лице у него заиграла улыбка:

– Мечислав Николаевич, ваше благородие! Какими судьбами?

Коллежский секретарь присмотрелся к полицейскому, и, не узнавая, спросил:

– Простите, с кем имею честь?

– Ну как же, ваше благородие! Я – Бестемьянов, неужели не помните?

Кунцевич вспомнил бывшего сыскного надзирателя:

– А, да, да, конечно. А вы, стало быть, теперь здесь?

– Здесь, младшим помощником, четвёртый год уже. А вы по-прежнему в сысской служите?

В это время мимо пристава и сыщика, слегка их задев и обдав непередаваемой смесью запахов, в участок прошмыгнул какой-то крестьянин в нагольном тулупе.

– Что же это мы в дверях встали? – улыбнулся помощник пристава, – давайте на улицу выйдем.

Они вышли на Господскую, помощник пристава закурил папиросу:

– Вы далеко сейчас?

– В столицу.

– А к нам зачем приходили?

– Справочку одну нужно было получить.

– Удалось? А то давайте, подмогну.

– Спасибо, сам справился. – Тут в голову сыщику пришла идея, – послушайте, Бестемьянов, где тут у вас можно пообедать? А то у меня с утра росинки маковой во рту не было.

– Здесь неподалёку отличный погребок-с.

Помощник пристава принялся было объяснять, как пройти, но Кунцевич его перебил:

– Может быть составите компанию? Признаться честно, заплутать боюсь. Есть у вас время? Пристав не станет искать?

Бестемьянов засмеялся:

– Не станет, мы его сами третий день найти не можем. Пойдёмте, угощу вас чудесной рыбкой, для меня её там по особому рецепту готовят.

Осушив косушку (Кунцевич от водки отказался), и без того разговорчивый помощник пристава стал болтать не останавливаясь. Вскоре разговор сам собой повернул в нужное Мечиславу Николаевичу русло:

– Вот вы давеча спросили, не будет ли меня искать пристав. А знаете, кто у нас пристав? – Бестемьянов икнул и позвонил в колокольчик. Дверь отдельного кабинета, в котором обедали полицейские, тут же раскрылась, и на пороге появился половой.

– Василий, будь любезен, ещё полбутылочки! – помощник пристава опять икнул.

– Слушаюсь! – Половой поставил на стол запотевший графин – заранее припас, видимо хорошо знал привычки полицейского. Опрокинув рюмку, Бестемьянов продолжил:

– А приставом у нас, их благородие не имеющий чина господин Кабанов.

– Вот тебе раз! Пристав, и не имеющий чина?

– Он, Мечислав Николаевич, не только чина не имеет, он не имеет ни малейшего представления и о полицейской службе, потому как по полиции ранее никогда не служил.

– А из какого же он ведомства?

– Из купеческого. До прошлого года в батюшкиной лавке за прилавком стоял. Ему от роду-то всего двадцать один годок. У нас не столица, в полицию без ограничений в возрасте берут, вот его и взяли, как только стал совершеннолетним.

– С ума сойти! За какие-такие заслуги?

– Известно за какие, за папкины капиталы. Год назад открылось у нас в участке вакансия пристава. Все думали, на это место старшего помощника, господина Овсянко назначат, но вышло иначе. Мне Овсянко по секрету рассказывал: «Вызвал меня, Шарафов и говорит, хотите место, подарите мне тысячу рублей. Я сначала обалдел слегка, а потом решил дать, вижу – по-другому не получится. Дам, говорю, ваше высокоблагородие, только извольте для порядку вексель подписать, а я, как место получу, при вас этот вексель уничтожу. Как он тут взелся, как закричит: Какой, такой вексель, вам, что моего слова недостаточно? Я офицер, потому если сказал, что место будет представлено, то так непременно и случится. Но я на своём стою,

ибо слову его цену знаю. В общем, сделка у нас не состоялась». А через две недели на рапорте представляет нам полицмейстер нового пристава – купеческого сына Кабанова.

– Ну и как вам под началом этого Кабанова служится?

– Изумительно, ваше благородие! Служим сами по себе – потому как пристав наш в участке бывает только в день получки жалования, а в остальное время его можно где угодно увидеть, но только не на службе. Спит до обеда, затем кушает с возлияниями в ресторанах, потом в весёлый дом отправляется, и так целыми днями. Месяц назад в Летнем саду гулял вечером пьяный с двумя известными всему городу проститутками, причём облачен был в полную форму, даже при шашке. В это время дьякон Андреевского собора Зрелов мимо шёл, и сделал их благородию замечание, мол, не пристало вам, Андрей Исаич в таком виде на публике появляться. Кабанов – дьякону сразу в рыло, Зрелов бежать, а пристав его за гриву ухватил да клок волос и вырвал. И все это в праздничный день, когда сад был полон публики. На следующий день в газете «Котлин» фельетон на эту тему появился, такой знаете ли, в виде басни, иносказательный. Андрей Исаевич явился в редакцию и надавал репортёру, фельетон писавшему, по шее. Редактор и дьякон обратились к полицмейстеру с жалобой, и тот строго Кабанова наказал – отправил на три дня под домашний арест. А пристав, арест отбывая, полный дом друзей да блядей созвал, ух и праздник они там устроили! Вот такой он, наш пристав. Овсянко за него всю работу делает, а пристав жалование получает и мзду от обывателей.

– Ну и полицмейстер у вас! Давно он в должности?

– Пять лет уже. – Помощник пристава понизил голос и перегнувшись через стол приблизил своё лицо к Кунцевичу. – От него весь город стонет, всё полицейское управление. Кроме тех, конечно, кто сумел с господином Шарафовым общий язык найти.

– И кто же это?

– Люди разные. Особенно благоволит он содержательницам притонов разврата²⁶. Вы, знаете, конечно, что по существующим правилам эти заведения не могут помещаться в близком расстоянии от храмов и разных богоугодных и воспитательных учреждений. Старые притоны в Кронштадте все были устроены с соблюдением этих правил, но с течением времени появилось несколько новых богаделен и учебных заведений, в виду чего большинство прежних притонов по своему местонахождению правилам уже не удовлетворяли. Кроме того, в домах терпимости нельзя торговать крепкими спиртными напитками, только портером и пивом, да и то до двух часов ночи, а под большие праздники и в дни таких праздников торговля там и вовсе запрещена. При прежнем полицмейстере правила более-менее соблюдались, но с поступлением в должность Шарафова, положение стало быстро меняться. Дом терпимости может быть открыт только с разрешения полицмейстера и с уведомлением военного губернатора, участковые приставы периодически обязаны притоны проверять. Шарафов же, разрешая новый притон, губернатору о нём ничего не докладывает, приставам приказал домами терпимости вовсе не заниматься, сам всё контролирует, сам карает и милует. Сейчас там не только пиво подают, но и вино, по три рубля за бутылку, и даже коньяк с водкой. Недавно в притоне «Мурашевка» случилась драка и одному из гостей, офицеру, проломили голову. Пристав Фрейганг, прибыв по вызову нашёл кучу нарушений. В притоне, как показали свидетели, посетители несколько раз резали друг друга, одну проститутку выбросили из окна, а уж вино с водкой ручьями текли. Обо всем этом Фрейганг доложил полицмейстеру, на что Шарафов сказал: «проходите мимо». Притон он всё-таки закрыл, но тот открылся буквально через неделю. Говорят, это обошлось содержательнице в тысячу. До Шарафова у нас было восемь притонов, а сейчас их два десятка! Полицмейстер разрешает открывать новые всем, у кого есть деньги. В прошлом году в нашем участке некая госпожа Могилевская открыла заведение под названием «Порт-Артур». Расположился этот самый порт прямо против дома для призрения вдов духовенства

²⁶ «Притон разврата» – вполне официальное название домов терпимости.

военного ведомства и в двадцати саженьях от частной школы. Соседи – домовладельцы два раза подавали прошение губернатору не позволять открытия, но ответа не получили. Владелица школы обращалась даже к отцу Иоанну за содействием, но и это не помогло. А через месяц после открытия, там произошло столкновение между фабричными рабочими и другими лицами, во главе которых был муж хозяйки. Из заведения драка перешла на улицу, досталось и городовому, а одного из участников отправили в больницу с тяжёлыми поранениями. И что вы думаете? Шарафов объявил хозяйке простой выговор, притона не закрыл, а напротив, вскоре дал разрешение торговать до четырёх часов утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.